

№3
Март 2009

ТРУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

*От Внешторгбанка к ВТБ.
Расширяя горизонты...*

Когда мы стремимся к намеченным целям, мы объединяем опыт, знания и силы, чтобы двигаться вперед и подняться на новую высоту.

9 банков в 8 странах СНГ и Европы.
Одно имя — ВТБ.

8 (800) 200-77-99
(звонок по России бесплатный)
(495) 739-77-99 (московский номер)

ОАО Внешторгбанк. Генеральная лицензия Банка России №1000

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Арсен Еремян, Нелли Узнадзе,
Донара Канделаки

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани,
Алена Деняга, Нино Цитланидзе

№3
(42)
Март 2009

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ		
ЮБИЛЕЙ	ОСОБЫЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ	4
ЛЕГЕНДАРНЫЙ	ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ	6
РУССКИЙ МИР	ИСПОВЕДЬ НЕРАВНОДУШНОГО ЧЕЛОВЕКА	10
НАШ КАЛЕНДАРЬ	ТОЛЬКО ЛИЧНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	14
	КОГДА ТЫ ВЕСЕЛ И УМЕН ОДНОВРЕМЕННО	15
ДАТА	ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ	16
О,СПОРТ!	КАК ПТИЦА ДЛЯ ПОЛЕТА	19
ПАЛИТРА	ЖИЗНЬ СЛОЖИЛАСЬ САМА...	22
ТВОРЧЕСТВО	ВЕРТИКАЛЬ	26
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	ЛЮБИЛ КАК ВТОРУЮ РОДИНУ	28
ШЛЕЙФ ПАМЯТИ	АЛЕКСАНДР ДЮМА ОТКРЫВАЕТ ТИФЛИС	32
БАЛЕТОМАН	ВОЗВРАЩЕНИЕ «ЛАУРЕНСИИ»	36
ЗНАЙ НАШИХ!	ВСЕ ИЛИ НИЧЕГО	38
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ТОСТ ПЕРОМ	41
НАЧАЛО	«ГОЛОС – МОЕ БУДУЩЕЕ»	42
ПАМЯТЬ	ЧЕМ ДАЛЬШЕ ТЫ...	44
НАУКА	ХЛЕБНАЯ ДОЛЖНОСТЬ	48
ВЕРНИСАЖ	ДАВНИХ ЧАР НЕСТИРАЕМЫЙ СЛЕД	51
АРХИТЕКТОН	ПРИЮТ ДЛЯ СТРАЖДУЩИХ	52
СПРАВКА	РОССИЙСКИЕ ВИЗЫ - ГРАЖДАНАМ ГРУЗИИ	54

На обложке - Наташа и Рамаз Чхиквадзе.
Фото Юрия Мечитова

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

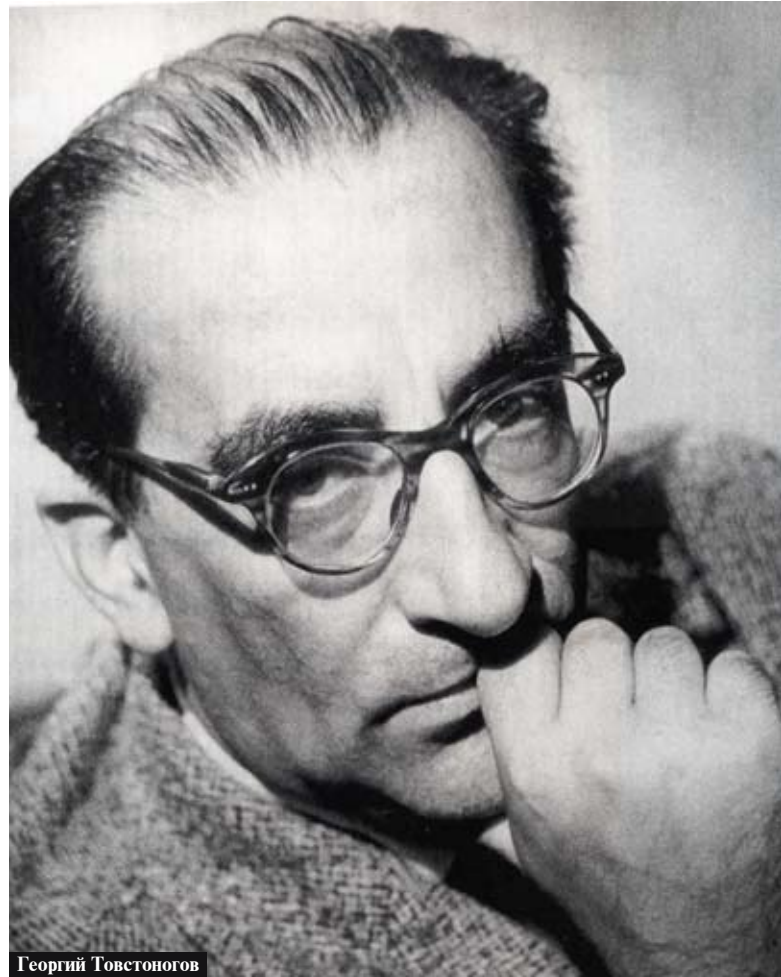
ОСОБЫЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ

Этот театр – одно из тех чудес Петербурга, вроде «Эрмитажа», без которых мы ни города, ни себя в нем не представляем. И дело тут не в здании - строгом и соразмерном, но в общем-то для Петербурга обычном -, а в том, чем оно наполнено и наполняет так давно нашу жизнь.

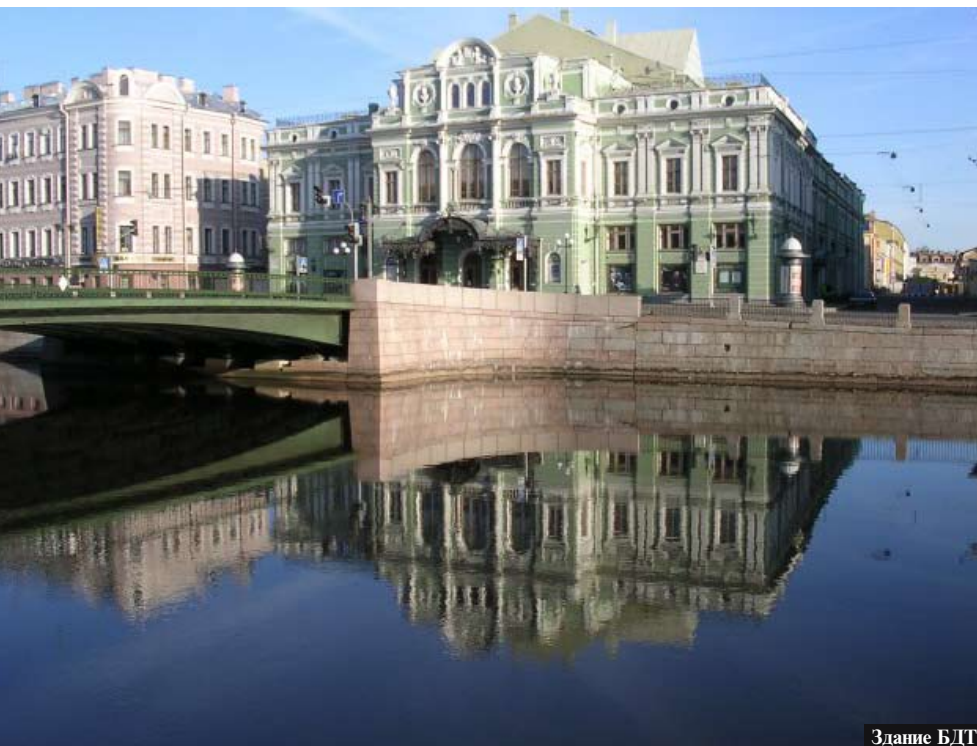
Это – Большой драматический театр на Фонтанке, прежде – имени А.М.Горького, теперь – имени Г.А.Товстоногова. Моему поколению кажется, будто он был всегда, и был таким, каким мы узнали его в бурном расцвете 50-х. Но это не так; возник БДТ в пору юности наших отцов, знал разных правителей и разные времена, хотя, вероятно, лучшее из них пришло именно на те годы, что нам довелось увидеть.

История его известна, но стоит вспомнить некоторые моменты ее, чтобы понять природу БДТ и то, как в нем все неслучайно. Ведь каждый истинный театр есть живой организм со своей натурой и своей судьбой, где многое этой натурой предопределено.

Начало БДТ удивительно. В 1919 году в Петрограде создается театр, задуманный как Особая драматическая труппа, но названный затем Большим драматическим. У истоков его – Мария Андреева, Максим

Георгий Товстоногов

Здание БДТ

хи и голода возникает театр особого и высокого назначения, говорящий со своим (в основном – новым) зрителем на языке мировой классики; Шекспир и Шиллер – главные его авторы, и первый его спектакль – «Дон Карлос» Шиллера.

«Большой Драматический Театр есть, по замыслу своему, театр высокой драмы, высокой трагедии и высокой комедии, - формулирует Блок. - Здесь мы находимся в атмосфере служения искусству театра большого стиля... Здесь мы будем служить искусству прежде всего. <...> Мы не должны робеть перед великим старым и не должны чуждаться нового; и мы можем поступать так при наличии тех Артистических сил, которыми владеем».

Эти цели могли бы казаться утопическими, не будь они так успешно и быстро реализованы. Завет Блока будет действовать не всегда, но отзовется внезапно и мощно через несколько десятилетий. Впрочем мы, не слишком памятливые и любопытные к прошлому, склонны будем

Горький, Александр Блок, знаменитый артист Николая Монахов. 15 февраля 1919 года театр открывается в оперной студии консерватории, но уже с 1920 года переезжает в здание бывшего театра Суворина на Фонтанке, где и пребывает по сей день. В пору разру-

приписать эту мощь воле одного, современного нам человека; но об этом – далее.

Театр жил ярко и интенсивно; был открыт времени, двигался, развивался. Принял новую советскую драматургию, с 30-х годов – пьесы Горького и его

имя. Был у него (как у других в послевоенную пору) кризис, до середины 50-х непобежденный, который затем удалось победить быстро и радикально, после чего такой долгой и плодотворной стала новая жизнь БДТ. Как? – На первый взгляд просто: пришел сильный человек, Мастер, навел свой порядок в театре и вдохнул туда новую жизнь. Все так; это была миссия Товстоногова. Но были ли у него опоры, а если – да, то какие?

Сначала - то, что дали ему, поочередно и вместе, Грузия и Россия. Впечатления юности, времен Марджанишвили и Ахметели, на всю жизнь напитавшие его соками грузинской театральности, столь близкой формуле Блока. Учеба в Москве; принятие для себя законов русского психологического театра; в дальнейшем – соединение, сплав двух культур. Опыт режиссуры и педагогики, ранний, серьезный, обильный - запас на дальнейшую жизнь, путь к будущим шедеврам, будь то замысел «Горя от ума» или первая постановка «Мещан». (И режиссерские планы шиллеровских пьес к тому же...).

Практика в тбилиском грибоедовском театре, потом - в Москве и Ленинграде дала ему бесценный опыт театрального ремесла, полное знание театра как такового, как организма и механизма, где для него не было тайн.

Другая опора – время. Его начало - «оттепель», когда можно было ставить Достоевского, открывать для себя новых авторов, не всегда (как Александр Володин) любезных начальству. Вспоминать традиции Таирова и Мейерхольда; экспериментировать с формой, не боясь обвинений в формализме. Создавать актерскую семью небывалого диапазона, от сокровенно-исповедального Иннокентия Смоктуновского до пафосно-романтической Татьяны Дорониной, и ансамбли, где сегодня каждый бы считался «звездой». Опровергать диагнозы и прогнозы, двигаться по собственной траектории через несколько театральных эпох, везде оставаясь современным, от «Варваров» до «Истории лошади».

Золотая пора театра, который был душой времени, и вовсе не потому, что говорил на эзоповом языке, подменяя собой запретную свободу слова – это выдумки, нынешнее беспамятство. Путем одних намеков и аллюзий театр не стал бы тем, чем были для нас товстоноговские «Горе от ума», «Пять вечеров», «Три мешка сорной пшеницы» - и откровением, и праздником сцены, и символом веры.

Тогда режиссеру можно было, с неизбежными, но умеренными уступками официозу, делать то, чего страстно хотелось, и, не будучи членом партии, поддерживать в советском театре на должности главрежа 30 лет.

Все, конечно, не без потерь, не без шрамов душевных, но в целом – какая большая, богатая и счастливая жизнь! Счастливая – для себя, потому что он слушался здесь призвания, служа искусству прежде всего, и для своего театра, и для театра вообще, где БДТ так долго был маяком, и для тех, кто был этим театром воспитан и, даже не бывая в нем, просто знал: вот такое чудо, с такими спектаклями и такими артистами, существует в северной столице.

И, возвращаясь при помощи Блока к началу, назовем еще одну опору: не только время, но и место – БДТ, театр, Товстоногову внутренне родственный (в другом могло бы не получиться). Слово судьба устроила их встречу, и гены театра, его природа возродились и отозвались на призыв Мастера, которому так важны были высота - масштаб пьесы, спектакля, актерской личности - , и большой стиль, а уж это он

мог бы сделать своим девизом: «Мы не должны робеть перед великим старым и не должны чуждаться нового; и мы можем поступать так при наличии тех Артистических сил, которыми владеем». И поступали, и не робели, и не чуждались.

Потом – в одночасье – Мастера не стало. Вахту принял Кирилл Лавров и с 1990 года вел театр, строго и трепетно, сберегая традиции – и не чуждаясь при этом нового. При нем был приглашен в БДТ Темур Чхеидзе, выбранный еще Товстоноговым, и выбор не был случайным. Ученик товстоноговского ученика Михаила Туманишвили, Чхеидзе соединял в себе темперамент мысли и точное чувство формы с глубоким, внутрь проникающим психологизмом. И начал он

«История лошади»

(опять-таки по задумке Мастера), с «Коварства и любви» Шиллера, коренного автора БДТ, и линию эту (в дюжине своих спектаклей) ведет по сей день; здесь – и «Мария Стюарт», и «Дон Карлос», которым театр готовится отметить свое 90-летие.

«Коварство и любовь»

Став главным режиссером БДТ еще при Лаврове, Чхеидзе после его ухода в 2007 году принял на себя правление полностью. Задачи худрука велики и трудны – сменились времена, обновляется труппа; ближайшая из задач – встретить юбилей достойно, не превращая его в безразмерное гулянье с похвалами и подношениями, но осмыслить прошлое, оценить настоящее, взглянуть в будущее. Для этого провели юбилейный круглый стол – «БДТ вчера, сегодня, завтра...», где ученые, критики, люди театра вспоминали былое и говорили о нынешнем БДТ. Вышла в свет роскошная книга - «Большой драматический театр. 1919 – 2009», богато оформленная, с точной и педантичной хроникой, с увлекательной летописью событий, воссозданных в мемуарах и в живых откликах критики.

Московские театры привезли, как дар юбиляру, свои спектакли на фестиваль «БДТ-«90». Ждем «Дон Карлоса»...

Татьяна ШАХ-АЗИЗОВА

*Наташа и Рамаз
Чхиквадзе отметили
золотую свадьбу*

«ГЛАВНЫЙ ПОДАРОК ОТ РАМАЗА – ОН САМ!»

- Наташа, говорят, вы с Рамазом познакомились при романтических обстоятельствах?

- Как правило, все встречи случайны. Так произошло и со мной. Я возвращалась со студенческой практики, которую проходила в Орджоникидзе, ныне – Владикавказе, на металлургическом заводе (кстати, он был сооружен по проекту моего отца). Потом отдыхала короткое время с подругой в Ялте, откуда собиралась на пароходе ехать в Одессу, а затем самолетом в Москву. Лето подходило к концу. Мы с подругой купили недорогие билеты и стояли на пристани, подошел теплоход «Грузия», на палубе стояли Рамаз и Гурам Сагарадзе. Мы поднялись по трапу, и вскоре состоялось знакомство. Никакого романа у нас поначалу не возникло, завязалась дружба. В Одессе мы вместе гуляли, осматривали достопримечательности, а ночью они уезжали обратно, на том же теплоходе, а мы должны были на рассвете лететь в Москву. Проводили наших новых знакомых, пожелали попутного ветра и хороших попутчиц...

Но прошло время, и я оказалась в Гаграх: меня увидел режиссер Шота Манагадзе и приехал в Москву, чтобы пригласить сниматься в главной роли в картине «Цветок на снегу». Этот фильм – музыкальная комедия, конечно, не шедевр, и я там никакой не шедевр, но по телевидению его крутят постоянно в течение многих лет. Больше я уже никогда не хотела сниматься. Считаю, что в семье должен быть один актер. У меня есть своя профессия – я 26 лет проработала в Институте металлургии. Но считала, что главная моя профессия – быть супругой Рамаза. Быть женой актера – это очень интересно и в то же время очень сложно. Потому что артист – это другой характер, другие

нервы, перемена настроений, потому что материал, из которого он творит, – это он сам.

Еще и жизнь оказалась сложной – мы были неустроенны, переходили с одной квартиры на другую. У нас не было ни средств к существованию, ни квартиры. Мы прошли через много подвалов, первых этажей... но все невзгоды зыбывались, когда мы были вместе. Когда казалось, что это невозможно выдержать, сама мысль о том, что кто-то другой будет рядом со мной ли кто-то другая будет рядом с ним, все ставила на свои места. Мы начали бороться за жизнь. Наш девиз был: сила сильным для того, чтобы выжить. И дока-

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

зывают свое право на счастье всему традиционному обществу Тбилиси, где не все встретили нас доброжелательно. Знаете, молодость, красота, уверенность в себе прощаются меньше, чем блага приобретенные. А Грузия – очень сложная, противоречивая страна, страна сильных и слабых, богатых и бедных, здесь как в котле бурлят самые разные эмоции. И вдруг появляются влюбленные Наташа и Рамаз. Кто это мог спокойно пережить? Конечно, не многие. Надо знать Грузию, чтобы понять это. И вот мы боролись, чтобы доказать: мы имеем право на счастье! Я коренная москвичка, в Москве окончила школу, институт, там жили мои родители. Я оставила дом, полное благополучие, приехала на ничто. И в Москве меня пытались осуждать – говорили, что я вышла замуж за богатого, красивого грузина. Да, очень красивого и очень талантливого, но богатство не имело к нему никакого отношения. Его зарплата составляла 75 рублей. В своих мемуарах я пишу о том, как мы отоваривались в гастрономе на площади Карла Маркса (на нынешней Саарбрюккен), в котором мы были самые любимые клиенты. Мы приходили туда счастливые, раскрепощенные и покупали брикеты каш – перловую, гречневую, с луком, с мясом по цене 12-19 копеек – вкус их я ощущаю по сей день! А потом пришли слава, фантастический успех во всем мире в течение долгого времени, восторженная пресса - мало кто удостаивался такой прессы в Союзе. Да, на долю театра имени Руставели и лично Рамаза Чхиквадзе выпал огромный успех. Но он очень скромный человек и всегда относился к славе очень бережно, осторожно. Чем выше всходил на театральный Олимп, тем становился скромнее. Он не любит пиар, иначе с его голосом, с его данными он, наверное, не сходил бы с экрана телевидения. Наверное, потому российский канал «Культура» в своем календаре или в своих передачах никогда не называет день рождения или юбилея народного артиста СССР, единственного Героя Социалистического Труда в искусстве Грузии Рамаза Чхиквадзе... Хотя самые лучшие российские критики писали о его ролях и его искусстве, а на спектакли с участием Рамаза билеты в Москве невозможно было достать: театральная, интеллигентная Москва, студенчество – все пытались как-то попасть на спектакли руставелевцев.

- Были моменты, когда ваши чувства подвергались испытанию?

- Никогда. Вы знаете, что такое актер, да еще красивый, поющий, молодой, играющий героев-любовников? Вокруг девочки, поклонницы. Но никогда это не коснулось наших отношений. Даже и не пытались особенно влезть в эти отношения, потому что понимали – бесполезно! Да и мы очень редко расставались. Я умудрялась войти в свой институт, попрощаться и уезжала вместе с ним. И все понимали, что мне надо ехать. В тот период Институт металлургии и театр Руставели просто сроднились! Моя жизнь была тесно связана с театром. Даже поговаривали, что я неофициальный импресарио театра. Когда Союз распался, мне предложили заняться этой работой всерьез. Я создала первую в Грузии коммерческую фирму по пропаганде грузинской культуры за рубежом, начала вести переговоры, получила право на внешнеэкономическую деятельность. Сама заключала контракты, вылетала в разные страны для переговоров, вывозила театры Руставели, Марджанишвили, марионеток, де-

тский ансамбль «Бичеби»... Потом ситуация стала меняться, а то я начала уже привозить в Грузию театры и коллективы. Для того, чтобы вывозить, нужны были средства. Потому я создала при фирме туристическое агентство для того, чтобы зарабатывать деньги и спонсировать грузинское искусство. В трудные времена я помогла театрам восстановить свой бюджет и первая открыла валютный счет в Национальном банке Грузии и могла этими деньгами помогать театрам. Туристическое агентство «Берика-интернейшнл» существует до сих пор. А искусством я перестала заниматься, потому что оно пошло вниз... Рамаз из театра ушел. Я считаю, что театр сейчас переживает большой кризис. Это очень больно! Произошло расслоение поколений. При мне этого не было – мы как-то влились в старшее поколение, жили одной жизнью с нашими большими актерами старшего поколения. Девиз нашего художественного руководителя – работать с молодежью. Но из этого пока ничего хорошего не вышло. Потому что нельзя отрещиваться от поколения, которое учас-

Венчание супругов Чхиквадзе

твовало в становлении успеха театра.

Став женой Рамаза Чхиквадзе и увидев, что он безгранично талантливый, разноплановый, пластичный, музыкальный актер, я думала о том, что театр Руставели должен быть одним из лучших театров мира и Рамаз должен быть одним из выдающихся актеров. Это был мой азарт, моя игра, которую я выиграла! А я никогда не любила проигрывать. Со Стурца пройдена огромная счастливая дорога, усыпанная розами. Это был театр единомышленников. Роберт пришел в театр тогда, когда Рамаз уже был на взлете. Стурца приняли с распростертыми объятьями. Наверное, друг без друга они бы не создали такие спектакли. Они понимали друг друга с полуслова. И это надо было сохранить. Мне больно, что на протяжении тридцати лет Рамаз после «Короля Лира» ничего не сделал. Ему многие режиссеры, в том числе московские, предлагали сотрудничество. Но Рамаз по своей природе однолюб. Потому пятьдесят один год он так верно прожил с одной-единственной женой. Он любит одну жену, он любил один театр, он любил Михаила Туманишвили, а потом пришел Робик, и ему Рамаз верен и предан до сих пор. Вы никогда не услышите от Рамаза ни слова упрека в адрес Стурца. И я, кроме слов благодарности, ничего не могу сказать, но мне жаль, что все так оборвалось... Я была бы счастлива, если бы Робик пришел к Рамазу и сказал: «Давай тряхнем стариной! Сделаем что-нибудь «перед заходом солнца» Я

уверена, что если бы они сели и по-серьезному это обсудили и Рамаз почувствовал, что он хочет в этом принять участие, он мог бы сегодня еще выйти на сцену. Я знаю возможности Рамаза. Только недавно он закончил съемки в двух фильмах – «Дом радости» Мераба Кокочашвили и картине Наны Джорджадзе по сценарию Ираклия Квирикадзе. У Рамаза и голос хорошо звучит, и двигается он прекрасно. Он в состоянии сделать много. Так что я, конечно, была бы рада, если бы его творческая жизнь продлилась. Я уверена, что сойдись эти два великих человека – Рамаз и Робик - снова вместе, они бы сделали еще очень много. Стура потерял своего актера, который его любил и любит. И будет любить до конца дней. Надо было это беречь не только в памяти, а сохранять в работе и до конца.

- Скажите, Наташа, а характеры у вас с Рамазом разные?

- Разные, но что-то, тем не менее, есть и общее. Он - Рыба, я - Стрелец. Я активная, он более созерцательный, любит читать, очень образованный. Такого образованного актера трудно найти – литература, искусство, музыка, история. Блестящая память. Он актер интеллектуальный.

- Кто в вашей семье лидер?

- У нас генерал Рамаз. Ум женщины подсказывает быть сильной там, где нужно, слабой - там, где нужно, умной и глупой – там, где нужно. Нужна дипломатия. Я, конечно, поступаю так, как считаю сама, но согласованно с ним. Если я вижу, что Рамаз что-то не приемлет и в этом прав, я отступаю. 51 год мы прожили без особых разногласий, хотя оба люди с сильными характерами. Рамаз очень упрямый. У него все начинается со слова «Нет!» Это – характер. Приходится это учитывать. Но есть более существенные вещи – мы большие друзья.

- Никаких тайн?

- Нет. Иногда хочу что-то скрыть. Но проходит минута, и я ему все рассказываю. У нас ничего не существует врозь. Все вместе. Он потрясающий, уникальный человек, без тщеславия, чувства зависти, очень любящий, любит простых людей, простую жизнь! Хороший отец, дедушка...

- Наташа, вы готовите или это занятие вам не по душе?

- У нас до последнего времени была гостиница, обслуживающий персонал, поэтому здесь не готовила. А когда уезжаем в Прагу, я с удовольствием готовлю. Люблю это дело. Раньше, когда мы жили на другой квартире, Рамаз мог позвонить и поставить меня перед фактом: «Приехали гости - человек 30-40!», и мне за несколько часов нужно было все приготовить и накрыть стол. Нет, я никогда не была белоручкой. Моя мама всегда говорила: «Если хочешь быть барыней, надо быть хорошей домработницей!» Поэтому я умею и шить, и вязать, и вышивать, и готовить – все. А этот дом я практически сама построила. Здесь не было ни архитектора, ни дизайнера...

- А что Рамаз предпочитает из еды?

- Он любит и борщ, и другие простые блюда - лобио, хаши, сациви. Надо сказать, что Рамаз - гурман. Все, что вкусно, он любит. И я все умею готовить. Абсолютно. Но ему не все можно – приходится ограничивать сладкое из-за диабета. Если на столе лежат какие-то пирожные, это катастрофа. Когда он видит сладкое, то просто теряет самообладание.

- После юбилея обычно бывает послевкусие. Какое оно у вас?

- Я ничего не успела почувствовать, потому что

Золотая свадьба

В вихре грузинского танца

С гостями из Челябинского театра

сразу на следующий день нужно было укладывать вещи и готовиться покинуть «Villa Berika» - сейчас ее владельцем является Посольство Польши. Вообще мы никогда не устраивали дни рождения и юбилеи. Это было один раз двадцать пять лет тому назад, на фуникулере. Собралось 500 человек. Это было потрясающе! И тогда Рамаз сказал: «В день рождения Наташи я устроил двадцатипятилетний юбилей со дня нашего бракосочетания, и тех, кто будет жив, я через двадцать пять лет соберу опять!» Слава Богу, мы дожили до пятидесятилетнего юбилея, правда, гостей было в несколько раз меньше – около 170 человек. Это было то пространство Тбилиси, в котором мы жили – режиссеры, актеры, друзья, составлявшие на протяжении этих лет наш мир. Это было очень трогательно, ведь сегодняшняя жизнь нас очень разъединила, мы годами не видимся. А многие так уходят из жизни, что мы только спустя некоторое время узнаем, что их нет. Так раньше не было. Каждый уход из жизни друга и даже просто знакомого переживался всем Тбилиси – в этом и была прелесть этого города. Наряду с бурлящими страстями здесь всегда было и безумное человеческое тепло. Сегодня люди стали холодными, какими-то затвердевшими. Уже даже к потере относятся более рассудочно, прагматично. Смерть – это просто фиксация факта. А раньше это была общая трагедия. Сейчас, когда видишь теплоту, сострадание, то воспринимаешь это как удивительный подарок судьбы. Один из немногих людей, вызывающих сегодня восхищение, удивление, преклонение, - это Бидзина Иванишвили. Он достоин всего на свете, это Богом посланный в Грузию человек. И такой скромный как человек-невидимка, который сеет и сеет добро. Моя бабушка говорила: «Кинь, детка, за собой – найдешь перед собой!» С этим девизом я живу всю жизнь.

- Самый приятный подарок от Рамаза?

- Он сам.

- Самое приятное воспоминание за 50 лет?

- Их столько! Это была сложная, тяжелая и безгранично радостная жизнь, но жизнь в сплошной борьбе. И в работе. Я пишу мемуары под названием «Я жена Рамаза Чхиквадзе!» Все время думала, как начать. Стремительно менялась жизнь, в Грузии происходили невероятные события. Я писала и раньше, но тогда еще смотрела на мир другими глазами, нежели сегодня. Когда сейчас я что-то зачитываю Рамазу, он мне иногда говорит: «Пиши добрее!» А я отвечаю ему: «Нет, Рамазик, правда не бывает доброй!» И я сама чувствую, что стала более жесткой в оценках ситуаций, более прагматичной. Тогда я писала последовательно. А сейчас возвращаюсь в прошлое... Если бы я сравнила те рукописи и новые, то обнаружила бы совершенно разное видение событий. Потому что я пишу с позиций сегодняшнего дня. Может быть, это и лучше. Когда проходит время, ты уже более точно все оцениваешь. Если что-то получится, хочу, чтобы мемуары были изданы на грузинском, русском и английском.

- Чувства притупляются с годами?

- Нет. Наоборот, мне кажется, чувства с годами становятся гораздо глубже, потому что кроме страсти, физиологии, появляется огромное родное чувство, чувство пережитого вместе, пройденной борьбы. Это как молодое вино и столетнее, настоявшееся. Какое дороже? Там кипит, бурлит, а тут такое фундаментальное, без чего ты не мыслишь своей жизни. Нет же жизни врозь. Не дай Бог! Хочу отметить, что «Русский клуб» - очень интересный журнал. Должна сказать, что 80-летие Рамаза Чхиквадзе в Грузии отметило только

ваше издание. Мы дожили до того, что с восьмидесятилетием официальная Грузия Чхиквадзе не поздравила. В это время мы были в Праге, нам звонили друзья из Москвы, Петербурга, из-за границы. А официальный Тбилиси не отметил юбилея ни в прессе, ни на ТВ, ни в личных поздравлениях. Но для меня это не имеет абсолютно никакого значения... Поздравления хочется получать лишь от тех, кто тебе дорог. А ваш журнал отметил юбилей Рамаза очень теплой статьей. Большое спасибо «Русскому клубу»! Желаю вашему журналу долгих лет, успехов, у вас много читателей, большая аудитория, а будет еще больше. Молодежь Грузии в последнее время вообще не знает русского языка. Это большой грех, что новое поколение не знает языка великой литературы, великой культуры. Столько лет нас связывали с Россией, с российской культурой, стоит ли из-за каких-то политиков все разрушать? Все плохое уйдет. Мы чувствовали себя прекрасно, когда приезжали в Россию. И в Грузии всегда любил русское искусство, кинематограф. Наши связи разорвать невозможно, и никакие политики этого сделать не смогут. Надо, чтоб молодые знали русский язык. Они когда-нибудь поймут, что это необходимо. Прекрасно знать английский, французский, немецкий, но без русского языка им будет очень тяжело жить. Я вот горда тем, что хорошо знаю русский литературный язык, русскую литературу. Хочу сказать добрые слова в адрес Николая Свентицкого, который, несмотря на все политические интриги в отношениях между двумя странами, сохраняет «Русский клуб», пропагандирует русскую и грузинскую культуру. Он истинный патриот Грузии и верный сын России, несет миссию дружбы, которая связывает людей.

- Ходят слухи, что вы с Рамазом будете жить в Праге?

- В Чехии живут сын Александр Чхиквадзе, его жена Майя, внучка Наталья двадцати одного года – студентка Нью-Йоркского Пражского университета и двенадцатилетний маленький Рамаз. Они граждане Чехии, и с воссоединением семьи мы получили паспорта Шенгенской зоны. В нашем возрасте уже есть необходимость жить ближе к своим детям и внукам. К тому же в Чехии мы будем иметь возможность пользоваться медицинским обслуживанием высокого уровня... Но так как мы не представляем своей жизни вне Грузии, после продажи «Villa Berika» приобретем квартиру на проспекте И.Чавчавадзе. И у нас будет небольшая квартира в Праге. С Чехией Рамаза связывает многое. Так, он является почетным гражданином Карловых Вар.

- Наверное, больно покидать «Villa Berika»?

- Конечно. Радует одно – польское посольство сохранит «Villa Berika» как мемориальный дом Рамаза Чхиквадзе, бренд дома театральную маску, здесь будут мемориальная доска и три маски на стене у входа в дом. Сохранят портреты Рамаза, афиши, экспозицию фотографий, за что мы очень благодарны Посольству Польши. Кстати, Рамаз Чхиквадзе – почетный гражданин города Вроцлава и обладатель награды польского правительства.

- Где же вы все-таки будете жить?

- Если в Тбилиси у нас будет квартира в 300 квадратных метров, а в Праге – в 100 квадратных метров, то где, как вы считаете, мы будем жить?

Окончание следует

День Москвы

ИСПОВЕДЬ НЕРАВНОДУШНОГО ЧЕЛОВЕКА

Признаюсь сразу – говорить сегодня о состоянии русского языка в Грузии сложно как никогда. Как живет «великому и могучему» в до предела суженном пространстве русского мира? Как ему дышится в нелегкой атмосфере проблем, захлестнувших и придавивших нас в последние годы? Да и осталось ли для него, получившего статус иностранного, место на земле, которую традиционно называли не иначе как второй колыбелью русской поэзии? И не стало ли в наши дни устаревшей банальностью запальчивое утверждение Евгения Евтушенко: «О Грузии забыв неосторожно, в России быть поэтом невозможно...»? Однозначно на эти вопросы, конечно же, не ответишь. Хотя бы потому, что слишком уж переплелись, стянулись в единый узел выживания, сохранение русского языка, русской культуры с проблемами нашими личными, общественными, межгосударственными и множеством других проблем. Начинаешь распутывать одно – болью отзывается другое. А потому хотелось бы сегодня рассказать о людях, которые не опускают руки, не склоняют головы перед трудностями, а продолжают честно и самоотверженно служить тому делу, которому однажды и навсегда посвятили свою

жизнь. Речь пойдет о педагогах-русистах, учителях городских и сельских школ, чьим трудом из поколения в поколение сохраняется и продолжается жизнь русского языка, русской культуры в Грузии.

Не случайно бытует мнение, что самые важные на земле профессии – это врач и учитель. Один бережет и спасает нашу физическую жизнь, другой – духовную, нравственную. Не новость и то, что это самые неблагодарные профессии. Тяжелый, не нормированный никаким рабочим расписанием труд – и несоразмерная этому труду оплата, позволяющая лишь с трудом сводить концы с концами. Огромная ответственность за каждую, вверенную ему судьбу – и, что греха таить, часто ленивое равнодушие общества к судьбе самого врача или учителя. Сегодня, когда правила нашей жизни начал диктовать его величество бизнес, в профессию педагога и, тем более, педагога русского языка идут только одержимые. Проще говоря – эта профессия не кормит. Да и рейтинг предмета под названием «русский язык» в школьном расписании не из высоких, как признаются с горечью сами педагоги. Справедливости ради замечу, что это не только в Грузии, а, к сожалению, почти во всех странах постсоветского пространства. Но от этого не легче. Три, а в старших классах два часа в неделю, отведены на изучение русского языка, и за эти 2-3 часа нужно полноценно не только научить, но еще и передать свою любовь к языку, культуре, внушить уважение к народу – носителю этого языка. По мнению честно и трезво мыслящих специалистов, за 3 часа в неделю даже свой собственный язык в своей языковой среде

полноценно выучить невозможно. Усилия колоссальны – результат мизерный. И как с этим «невозможно» справляются наши учителя, остается загадкой. В последние годы, как правило, даже аттестованные на «отлично» по русскому языку выпускники национальной школы с трудом понимают русскую речь. Исключение – дети, дополнительно занимающиеся русским языком у частных педагогов. И все-таки школьный учитель, часто отчаивающийся, но не сдающийся, делает изо дня в день невозможное возможным.

Передо мной лежат сочинения учителей-русистов из разных городов Грузии.

Это сочинения, послывшиеся на Пушкинский международный конкурс учителей русского языка стран СНГ, Балтии, Германии, Болгарии и Израиля. Не все авторы этих сочинений стали лауреатами, но ценность каждой из этих работ бесспорна, потому что это искренние, часто до слез трогательные исповеди как раз тех самых одержимых своей любовью к русскому языку, тех самых, не всегда сытых, но всегда богатых желанием передать ученикам свою любовь к предмету, к нравственным ценностям, которыми гордится русская литература и которые проповедует русская литература.

«Как будто целый мир тебе знаком, / Когда владеешь русским языком, / Вот почему нам близок чистый, ясный, / Народа русского язык прекрасный».

«Вот этими словами грузинского поэта Иосифа Гришавили я каждый год начинаю в своих классах уроки русского языка, – пишет Марина Иашвили, учительница руставской школы №4 им. Жиули Шартава. – Эти слова поэта стали девизом для меня. Я стараюсь привить любовь детям, показать красоту, мелодичность и сердечную теплоту русского языка. Учю их, что этот язык был и остается братским языком, а не

мама, простая русская женщина, Полина Афанасьевна Парфенова... Мягкая, любящая, внимательная, она всегда говорила, что мы с сестрой грузинки и должны знать свой родной язык, но вместе с грузинским – наш родной также и русский. Мама – мой идеал в жизни. Она прожила сложную и трудную жизнь, пройдя дорогами Великой Отечественной войны. На фронт ушла совсем девочкой в августе 1942 года и до Победы 9 мая 1945 года служила под Мурманском в составе 15-ой авиационной базы. Там судьба связала ее с моим будущим отцом, грузином Георгием Викторовичем Иашвили. Они оба были награждены орденами Отечественной войны II степени и медалями. А в День Победы 1945 года мои родители поженились. Эта любовь грузина и русской продолжалась больше 60-ти лет, до самой их кончины. Мы с сестрой и наши дети были воспитаны на примере любви и уважения друг к другу наших родителей. Приехав в Грузию, в Боржоми, на родину своего мужа, моя мама очень быстро в совершенстве овладела грузинским языком. А отец прекрасно говорил по-русски... Рассказывая своим ученикам о моих родителях, я хочу, чтобы дети поняли, что любовь и уважение человека к человеку начинается с любви и уважение к его языку...»

«Много лет прошло с тех пор, как я впервые перешагнула порог маленькой 8-летней грузинской школы, – рассказывает Лидия Авдеева, учительница из села Левмшваниери Гардабанского района. – На меня были устремлены пытливые детские глаза. Они ждали. А я стояла и не знала, с чего же начать, хотя весь вечер накануне готовилась к этой встрече. Мы смотрели друг на друга. Они – оценивающе, а я немного растерянно. Но вдруг все пришло само собой. Я начала читать Пушкина. Я читала и сама слышала свой голос как бы со стороны – так тихо было в классе. Я вложила

все свои чувства, все волнение, всю себя... Когда закончила, испугалась – была минута какой-то полной тишины. И вдруг тишину разорвали аплодисменты. Дети, мои первые ученики, еще почти не знающие русского языка, аплодировали мне! Так началась наша дружба. Я не знаю, все ли они поняли из того, о чем говорилось в стихотворении, но глубоко уверена, что они почувствовали, ощутили само волшебство мелодии языка Пушкина... А потом мы вместе создавали кабинет русского языка. Рисовали, расклеивали картинки. Нам было трудно общаться. Я не знала грузинского языка совсем, но мы учили друг друга. Я их, а они меня. У нас была игра в песни. Они пели грузинские, а я русские песни на заданную тему. И вот, помню, однажды в середине урока Мамука Гогадзе поднимает руку и спрашивает: «Мы сегодня будем петь?» Это было так неожиданно. Дети как будто сами подсказывали дорогу русскому языку к их сердцу. Так появилась идея проведения музыкальных пятиминут на уроке. Как они старались! Смотрели русские мультфильмы, чтобы на следующем уроке предложить мне новую песню. А мне пришлось срочно заняться своим музыкальным образованием. Мы поменялись ролями

– теперь я учила грузинские песни, а они – русские. Постепенно словесный барьер между нами стал исчезать. Я выучила грузинский язык, а желание научить их русскому слову стало во мне еще сильнее. Раньше я сравнивала свою профессию с профессией врача. Имеет ли право врач на ошибку, когда ставит диагноз

Педагоги-русисты стран СНГ

каким-нибудь очередным новомодным, иностранным. Я знаю, что дети – очень чуткий «народец», они не прощают фальши и одаряют своим доверием только тогда, когда ты с ними абсолютно искренен. И потому я рассказываю своим ученикам о тех людях, которые пробудили во мне любовь к русской речи. Это моя

На церемонии награждения лауреатов Пушкинской премии

У памятника Пушкину

или когда лечит своего пациента? Конечно, не имеет! Так же и педагог, размышляла я, не имеет права ошибаться. Теперь я сравниваю свою профессию еще и с профессией артиста. Настоящий артист заставляет зрителя забыть, кто он есть на самом деле, забыть обо всем, кроме жизни своего героя, в которого он перевоплощается. И делает он это так искусно, что зритель воспринимает происходящее на сцене как окно в жизнь. Актер на сцене принадлежит не себе, а зрителям и своему герою. А профессия учителя в этом смысле более сложная. Мы тоже не имеем права принадлежать себе, тоже должны на каждом уроке вводить своего «зрителя» в мир литературных героев, научить наших детей сопереживанию. Но наш «зритель», в отличие от театрального, обозначен для нас конкретными именами, характерами, судьбами. Сфальшивить хоть раз – и можешь, сам не заметив того, поранить чью-то душу».

И точно продолжение этой темы звучит сочинение-исповедь Миминошвили Ирины Романовны, учительницы школы №12 города Рустави. «Душа... Как часто это слово не сходит у нас с языка. По несколько раз на день вспоминаем мы ее: «большой души человек», «работает с душой», «душа болит».

Вот и у меня душа болит несколько лет, не переставая. Чувство досады преследует меня каждый раз, когда переступаю порог школьного дома... Случилось то, чего мы не ждали – наши ученики повернулись спиной к школе, редко приходят на занятия, перестали говорить на русском языке. А ведь среди учащихся немало детей из русскоязычных семей! Душу раздрающим вопросом «почему»? я мучила себя и мою

маму после рабочего дня. А она, торопясь успокоить меня, твердила одно и то же: «Время такое. Их можно понять». Что ж, наверное, так оно и есть. «Время дано. Оно не подлежит обсуждению. Подлежишь обсуждению ты, разместившийся во времени».

«Начни с себя, – советовала мама, – ищи выход из создавшегося положения. Увлеки чем-нибудь новым». – «Легко тебе только говорить», – бурчала я и была не права...

Разве легко было ей, русской женщине (в девичестве В.М. Гріднева), попавшей в чисто грузинскую семью, уважавшей язык и нравы новой семьи, сохранить язык своих предков, традиции и обычаи московского края, настоять, чтобы дети ходили в русскую школу, привить любовь и вкус к литературе, увлечь поэзией...

Судьба сыграла, наверное, не самую удачную шутку, распорядившись с нами так, чтобы мама и я, рожденные в г. Москве, крещенные обе в старинной русской православной церкви г. Коломны, жили и трудились в Грузии, а сестра, появившаяся на свет на родине отца, принявшая крещение в грузинском соборе Сиони живет и работает врачом в г. Коломне уже более пятнадцати лет.

И хотя гложет нас тоска по находящейся вдалеке сестре, мы прислушиваемся к словам утешения, которые произносит мама: «Может, так оно и лучше. Зная язык, она сумеет поведать русским коллегам о простом грузинском народе, теплом, миролюбивом, доброжелательном, гостеприимном. И это поможет вновь сблизить народы-братья». Слушая ее, не перестаю удивляться: откуда черпает эта женщина силы, чтобы не озлобиться, спокойно выслушать, дать мудрый и верный совет, вселить веру в себя и подарить потерянную надежду на то, что все будет хорошо?! Она не падает духом! Воистину русский характер!

Когда-то, после окончания школы, я мечтала поступить в театральный институт, посвятить себя режиссуре. Еще в школе мы были горячими поклонниками Русского драматического театра им. Грибоедова. Не пропускали ни одной премьеры. Видимо, под влиянием этого пылкого увлечения мне казалось, что другого пути, кроме как в театр, для меня нет. А папа, к сожалению, (так мне тогда казалось) категорически был против моего выбора. Чтобы сохранить мир и покой в семье, маме удалось убедить меня не идти наперекор желанию отца видеть старшую дочь учительницей и поступить на филфак в ТГПИ им. А.С.Пушкина. «Став учителем, – уверяла она, утирая мне слезы и глядя по голове, – ты сможешь реализовать в школьном кружке свои режиссерские замыслы. Учти, что самые лучшие актеры в мире – это дети. Они никогда не фальшивят...» И она не ошиблась.

Сейчас я не грущу о былом. Я живу школой, учениками, веду кружок «Поэтическая тетрадь», где вместе учимся рифмовать слова, слагать первые стихи,

басни, поэмы, пишем сценарии, ставим миниспектакли. И выход из создавшейся ситуации после подсказки мамы нашелся однажды. Кому ж не хочется сыграть хоть раз в жизни роль любимого литературного героя?! Беду частично удалось отвести. Повернулись многие ученики к школе лицом, вернулись к книгам. С большим удовольствием перечитывают ребята творения великих мастеров, на переменах между уроками «шлифуют» русскую речь, повторяя монологи свои, оттачивают язык, интересуются значением непонятных им слов, без лишнего напоминания бегут на очередную репетицию... И хотя репертуар наш не велик, костюмы и декорации бедны, горит в нас живительный огонь дружбы, любви и уважения к языку, который связал народы навеки».

Читаешь сочинения наших учителей и кажется, что это – одна большая исповедь неравнодушного сердца. Огромного сердца, наполненного тревогой за судьбу детей, судьбу своей страны, горячо и нежно любимой, переживающей тяжелые дни перемен, реформ, поисков своего пути в истории современного мира. И, как всегда, навстречу любой беде подставляет свое сердце учитель. «Меня, – признается лауреат Международной Пушкинской премии Наталья Гзиришвили, учительница из Рустави, – гораздо больше бытовых проблем стало угнетать осознание собственной ненужности как специалиста: с каждым годом стали урезаться часы, отведенные на русский».

Помню, насколько болезненно обострены были все чувства, что даже такая мелочь, как перемещение русистов в расписании куда-то вниз, к урокам труда и

физкультуры, воспринималось как кровная обида.

Много великолепных филологов уехало из Грузии, в частности, из Рустави. Это потеря была невозполнимой. В городе осталось всего несколько русистов, преподающих в грузинских школах, и, соответственно, хорошо владеющих языком (ведь не факт, что диплом об окончании института есть гарантия профессионализма учителя).

Сегодня на русский филологический не поступают хорошие выпускники, а если кто-то и кинет небрежный взгляд в ту сторону, выбор определяется не желанием, а чисто меркантильными соображениями: маленький конкурс, низкий проходной балл.

Все чаще слышны разговоры о том, какой огромный урон нанесен делу преподавания русского языка в Грузии. Обратимый ли это процесс? Ведь мало осознать ошибки, их надо суметь исправить! Новое поколение гораздо активнее изучает английский, нежели русский. Ведь это уже внуки тех, кто когда-то прекрасно владел языком. Лично у меня уроки даже в самые сложные времена не бойкотировались, но спад интереса был безусловен. Необходимо помочь русистам вновь обрести уверенность в себе, необходима очень серьезная подготовка кадров, иначе учить скоро будет некому. Необходимо сказать спасибо тем, кто все эти годы оставался верен своему делу, не ради них самих (хотя ради них – тоже), но, прежде всего, ради тех, кто завтра встанет перед проблемой выбора профессии, и этот выбор будет определять не низкий проходной балл».

Виктория ПОПОВА

Лауреаты Пушкинской премии

ТОЛЬКО ЛИЧНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

К 80-летию со дня рождения
Фазиля Искандера

Первая книжка Фазиля Искандера вышла, как и полагается, на его родине в Сухуми, в 1957 году. А затем одна за другой последовали публикации в журнале «Юность», и Искандер получил всесоюзную славу.

«Созвездие Козлотура» давно уже названо культовым произведением, одним из образцов свободной прозы и политической сатиры.

Рассказы о Чике и роман «Сандро из Чегема», удостоенный Государственной премии СССР в 1989 году, - это совершенно особая статья в творчестве Искандера, и чегемская линия в его произведениях - стержневая (в Чегеме автор провел большую часть своего детства).

Однако не менее ценным и интересным является и тот факт, что

Фазиль Искандер

в 1979 году Искандер участвовал в создании альманаха «Метрополь». (Кстати, в этом году исполнилось 20 лет со дня появления этого вошедшего в историю страны и литературы самиздатовского раритета). Это был сборник неподцензурных, т.е. не получивших разрешения Главлита, текстов, авторами которых были известные литераторы - как печатающиеся, так не допускавшиеся к печати - Владимир Высоцкий, Евгений Рейн,

Белла Ахмадулина, Юрий Карбачиевский, Генрих Сапгир... (всего - 23 автора). Альманах был оформлен Давидом Боровским и Борисом Мессерером, а его составителями стали Василий Аксенов, Фазиль Искандер, Андрей Битов, Виктор Ерофеев и Евгений Попов. Было подготовлено всего 12 экземпляров необычного формата А-2. Рукопись альманаха была переправлена и немедленно опубликована в США. Авторы и составители знали, на что шли. Большинство из них попало под негласный запрет, и их публикации не появлялись в печати долгие годы. Ерофеева и Попова, незадолго до этого принятых в Союз писателей, тут же исключили, а двое из авторов альманаха И. Лиснянская и С. Липкин в знак протеста и солидарности покинули Союз самостоятельно.

После долгого молчания, в конце 80-х годов появляется ставшая легендарной повесть Искандера «Кролики и удавы». Я хорошо помню, как мы, избалованные хорошей литературой студенты филфака, были потрясены стопроцентным попаданием книжки в каждодневные реалии нашей тогдашней жизни. Крылатое «наш страх - это ваш гипноз» - это оттуда. Повесть не затерялась среди всех тех литературных «бомб», которые «взрывались» в те годы одна за другой - ведь открылись тайники и запасники, с полок доставалось все запрещенное, неизданное, но забытое. «Кролики и удавы» стали в славный ряд произведений, которыми страна зачитывалась в конце 80-х - начале 90-х.

«Конечно, когда я писал «Кролики и удавы», я имел в виду нашу действительность,- говорит Искандер.- И получается так, будто я предвидел, что получится, т.е. что король кроликов найдет общий язык с удавами. Это в какой-то мере сейчас и происходит. Хотя я очень пессимистичен по отношению к политике и вообще при слове «политика» мне хочется потерять сознание, как некоторым насекомым при виде опасности, настолько я его ненавижу, ибо считаю, что политический талант - это умение быть совершенно неискренним, не подозревая, что ты совершенно неискренний. Но я надеюсь, что лучшие умы займут какое-то место при правительстве, и тогда из мировой политики уйдет политика как хитрость, как вероломство, как национальный эгоизм».

Певец Абхазии, русский писатель, литератор, убежденный, что юмор способен исправить промахи жизни, Фазиль Искандер считает, что главное предназначение искусства - это «призыв и утешение». Трудно читать книги, которые расшатывают и без того донельзя расшатанный мир, которые раздирают и без того измученную душу... Искандера читать легко. Он не отнимает надежду. Он слишком ценит гармонию, чтобы ее задевать. Напротив, всем своим талантом он гармонизирует мир вокруг себя. А значит, и каждому его читателю перепадает немного утешения...

КОГДА ТЫ ВЕСЕЛ И УМЕН ОДНОВРЕМЕННО

*К 75-летию со дня рождения
Михаила Жванецкого*

Не надо особого повода, чтобы поговорить о Жванецком. Ведь без него действительно трудно представить и себя.

Его ежедневно цитируют уже более сорока лет. «Мысли и женщины вместе не приходят», «что с человеком не делай, он все равно упорно ползет на кладбище», «одно неловкое движение, и вы отец», «у нас в Одессе быстро поднятое не считается упавшим», «не привыкнешь – подохнешь, не подохнешь – привыкнешь», «были бы у меня кадры, я бы тоже переставлял», «меняю яркие воспоминания на свежие впечатления» и так далее, по желанию, до бесконечности.

«Одесские рассказы» Бабеля были блестящими одесскими рассказами. Рассказы Жванецкого, оставаясь несомненно одесскими, вместе с тем – рассказы жванецкие. Они больше, чем колорит Одессы, они даже больше, чем сама Одесса, они сами по себе стали жанром. Жванецкий не оставил читателю возможности самостоятельно выбрать свое отношение к Одессе. Читатель обречен ее полюбить. Навсегда.

Лаконизм Чехова и его чрезвычайная экономность в использовании выразительных средств; ярчайшая метафоричность и колорит Бабеля; телеграфная, летящая, невероятно емкая проза Зощенко; Ильф и Петров, с их летописью-скорописью, внезапностью метафор и сравнений, стилетной точностью иронии, юмором на грани сарказма, не имевшим подобия единством беллетристики, публицистики и поэзии – все это основа, азбука, букварь для любого литератора, отваживающегося писать в жанре юмора. Жванецкий, который, как одаренный человек, - сам себе азбука, но при этом - ученик и читатель талантливейший. Очевидно, что он великолепно знает Аверченко. Несомненно, что любит Сашу Черного. Потому и глубок, и поразителен, и интересен во всем – и в своих словах, и в своих поступках.

Например, тем, что он, инженер Одесского порта, умудрился не только прийти в Ленинградский театр миниатюр к Райкину, поработать там завлитом, сделать не один номер с мэтром эстрады, но и уйти от него.

Например, еще тем, что его не просто любят женщины. Они его любили всегда – бедным, неизвестным, любимым. Он совершенный мужчина в отношении тех, кто когда-то был рядом: детям – абсолютная помощь и забота, о женщинах – ни одного худого слова.

Он не переносит лжи. «Я вижу хитрые глаза, я понимаю, что буду подвергнут обману, и я сразу стараюсь уходить. Результат моей антипатии – это пальто, шапка и на улице. Не выяснять – прав я или нет. Хотя

Михаил Жванецкий

масса комплиментов ко мне лично – и «мы выросли», и «мы знаем наизусть», и все равно – шапку, и домой. У меня самое главное, чего я не переносу – обман. Это меня унижает».

Перед развалом СССР, в 1991 году, М. Горбачев подписал список артистов, представленных к званию «народный артист СССР». Таким образом, Жванецкий не только одним из последних удостоился раритетного звания, но и стал воплощением того нечастого случая, когда звание полностью соответствует названию.

В свой юбилей Жванецкий стал орденосцем. Вроде бы звучит несообразно, однако если не у него – блестящего литератора, настоящего «дежурного по стране», который ухитряется жить без вранья, потому что иначе не может, - так вот, если не у него «заслуги перед Отечеством», то у кого же?

Есть люди, которые спят с открытым окном. Некоторые распахивают окна, проснувшись. Но никто не поспорит – свежий воздух человеку совершенно необходим. Как и Жванецкий.

Нина ШАДУРИ

Участники поэтического фестиваля-2008

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Дело выбора, дело предпочтений, дело вкуса. Можно верить в Бога или не верить в него. Можно читать стихи или не читать стихов. Тем не менее, что бы вы ни выбрали, Земля не прекратит своего движения вокруг Солнца (или это все-таки Солнце движется вокруг Земли, как подсказывает нам зрение?), весна не перестанет сменять зиму (хотя, только поглядите, погода предлагает нам и иные варианты), а поэты никогда не перестанут писать стихи (или все же - «Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут // Меня...»?).

И зачем только читать-писать стихи? Зачем соотносить с первой реальностью, с нашей каждодневной бытностью реальность вторую – уже имеющую быть, которую надо лишь написать, уже созданную, которую надо лишь воссоздать? Вторую реальность – самую настоящую. И при этом - самую маргинальную. Видимо, написание-чтение стихотворения и обозначает главный вектор человеческого существования

– «от точки, в которой знание не помогает, начинается движение в сторону смысла», по определению философа.

Отчего все же пишутся или, как навсегда определил Андрей Вознесенский, «случаются» стихи? Арсений Тарковский считал, что стихи пишутся не для того, чтобы их прочитать, а для того, чтобы их написать. Тимур Кибиров в такой позиции усматривает или добросовестное заблуждение, или некое поэтическое кокетство и замечает, что «не стал бы тратить свою единственную и потому драгоценную жизнь на то, чтобы самовыразиться. Если дело только в том, что вот лишь бы написать, то тогда и записывать не стоит». (Хотя Тарковский, издавший первую книгу своих стихов в 55 лет, свои слова подтвердил своей же жизнью). Бахыт Кенжеев выразился так: «Главная задача поэта в том, что он работает для Господа Бога, по заданию, данному Господом Богом. Все апостолы могли рассчитывать только на смерть на кресте. Мне хотелось бы на них равняться».

Но поэты едины в одном – стихи пишутся, случаются оттого, что не могут не случиться, не быть написанными. Правда, и графоман (или, что точнее, метроман) не может не писать. Но в самих этих словах и кроется колоссальная разница между поэтом и непоэтом.

Непоэт не может не писать, ему писать охота. Поэт не может не записывать того, что посредством языка диктуется ему... Иосиф Бродский отмечал в своей Нобелевской лекции удивительную особенность поэтической «кухни»: «Пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку. Начиная стихотворение, поэт, как правило, не знает, чем оно кончится, и порой оказывается очень удивлен тем, что получилось, ибо часто получается лучше, чем он предполагал...».

Противоположностью поэзии является, конечно, не проза, а плохая поэзия.

Хотя хороших поэтов всегда очень немного, обилие и неразнообразие непоэтов серьезно удручает. «Графомания, безусловно, проделала серьезную эволюцию,- пишет Дмитрий Быков, - она стала грамотней, глаже, гламурней, но про нее по-прежнему хочется сказать словами из анекдота: «На рынке появились поддельные елочные игрушки. Выглядят, как настоящие, но не приносят никакой радости».

Так что же такое, извините за наивность вопроса, современная поэзия? «Где сейчас хорошие стихи, почему поэзия не оказывает никакого влияния на общественную жизнь, почему современная молодежь не проявляет никакого интереса к ней, а то, к чему проявляет, поэзией никак не назовешь?» - перечисляет Дм. Быков самые распространенные вопросы. «Первое ощущение от современной культуры - уныние,- говорит Сергей Гандлевский.- Но это обычная реакция современника на свою культуру». «Есть какие-то печальные мысли по поводу состояния искусства, не только поэзии. Вся эта авангардная невнятица - это так скучно. Из стихов уходят смысл и музыка. Впечатление такое, что авторы никогда не читали ни Ахматову, ни Мандельштама, об Анненском я уж и не говорю»,- замечает Александр Кушнер. Но он же и добавляет: «С другой стороны, и не должно быть множества хороших поэтов. Такого никогда и не было».

Поэт непоэту, дабы разрешить непонимание между ними или чтобы просто поставить на место, ответить не может, да и негоже отвечать. Гумилев, например, отвечал только поэтам. А Блок и поэтам не отвечал.

А впрочем... В 1992 году в Москве мне посчастливилось познакомиться со Львом Кропивницким - художником, поэтом, личностью легендарной и необыкновенной. Я привезла ему из Тбилиси посылку от старого друга - блестящего филолога и поэта Константина Герасимова, моего учителя. Знакомство ознаменовалось подарками от Кропивницкого, в частности, сборником «Мансарда», в который вошли стихи, графика, репродукции картин участников одноименного сообщества художников и поэтов. Это и был ответ - бесталанности, безвременью, безденежью, без- всему. Ответ блистательный и единственно возможный. В одном из стихотворений К. Герасимова, вошедших в этот альманах, я прочитала:

Их тьмы, и тьмы, и тьмы.

Но есть на свете - мы.

И вечно наше «нет»

Тому, что тьма. Не свет.

Актуально? И должна ли поэзия быть актуальной? Это очень серьезный вопрос. Видимо, поэзия актуальна настолько, насколько и современна. Но и современна настолько, насколько актуальна. Т. Кибиров считает, что русская поэзия зашла в тупик, потому что не дает четких ответов на те или иные вопросы, избегает внятных высказываний, что делает ее неактуальной.

Итак, предназначение поэзии. Заметить. Задать

вопрос. Задуматься. Ведь «мы все ставим каверзный ответ и не находим нужного вопроса» (Владимир Высоцкий). Но, поправит меня внимательный читатель, таково предназначение и философии. На слуху высказывание С. Колриджа о том, что великий поэт не может не быть великим философом. Насколько поэт - философ? Если философ, как писал М. Мамардашвили, «шпион в каждой стране, потому что ставит под сомнение все, что кажется очевидным и непреложным носителям той или иной субкультуры», то из поэта шпион никакой. Он гость, вестник, посланник. Он - ангел-хранитель. Философ может вызвать ту или иную эмоцию. Поэт - сам по себе эмоция. Однако, как и философ, он может высечь пресловутую искру из несоединимого, сделать непреложным то, что спорно, а очевидное поставить под сомнение. А из искры, как известно...

И еще: не сомневаюсь, что и великий поэт, и великий философ на месте Гамлета из «быть или не быть» выбрали бы «или».

Что же касается величия и гениальности... Кибиров говорит о том, что критериев для определения хороших стихов нет, и с этим не хочется спорить. Не придумано мерок для оценки магнетизма определенного порядка слов. Кенжеев справедливо подчеркивает, что хорошая поэзия, как и хороший читатель, - товар штучный. А Гандлевский величие писателя определяет так: «Всякий писатель предлагает тебе некую картину мира. В картине мира, которую предлагает Толстой, совершенно не тесно, в ней можно жить десятилетиями - конца-краю не видно. Протест возникает, когда рама тесна тебе, когда кажется, что ты опытней или честней, чем автор. В отношениях с великими произведениями такого не бывает».

Как известно, если талант попадает в цель, в ко-

В городке «Мзгури»

торую не попадают другие, то гений поражает цель, которая другим не видна. И хотя, как сказано у Бродского, «наличие копий еще не гарантия цели», восприятие гения как гения с его невидимыми копьями и целями происходит сразу, стремительно, моментально, абсолютно безоговорочно. «Талант попадает сразу в несколько сутей дела,- еще раз процитирую Мераба Мамардашвили,- а гений - в суть этих сутей, то есть в самую суть дела». А суть дела - всегда очень высоко.

И не надо сравнивать небо с небом, чтобы доказать, что оно – не земля. Вись, она и есть вись.

Как видим, главный критерий в оценке величия-невеличия – это все же восприятие поэтического текста читателем – тем самым читателем, штучным. «Настоящий читатель стихов – это редкость, потому что это тоже дар», - говорит А. Кушнер.

«Извольте мне простить невольный прозаизм», но воспитание вкуса – совершенно необходимо. «Эстетика – мать этики, - писал Бродский. - Зло всегда плохой стилист. Чем богаче эстетический опыт индивидуума, чем тверже его вкус, тем четче его нравственный выбор, тем он свободнее, хотя, возможно, и не счастливее». «Необходимо воспитывать умение отличить подлинную оригинальность от подделки. Человек, с юных лет читавший Пушкина и Тютчева, Пастернака и Заболоцкого, вряд ли прельстится стихотворным

вырос, и неплохих, крепко сбитых, профессионально любопытно сделанных стихов – немало. Но больших поэтов, поэтов, не побоимся сказать, великих, как всегда, мало и, как всегда, достаточно для того, чтобы не думать о том, жива ли Поэзия. Поэзия, она ведь как воздух. Есть – и слава Богу. Загибается она – тут-то и спохватываешься, и жизнь выбивается из привычных ритмов. Поэзия – это свобода. Великий философ сказал: «Именно потому, что мы не можем быть богами, мы можем быть нравственными, именно потому, что есть полнота вины, мы можем быть ответственными, то есть свободными». Именно поэт, через сердце которого и проходят разломы, трещины раскалывающегося мира, несет на себе всю полноту вины, весь груз ответственности за все, что случилось, случается, случится... «Жизнь поэта, - заметила Юнна Мориц, - можно назвать адом не только потому, что человечество устроило ад на земле, но еще и потому, что, живущий в этом аду, он несет в себе адские страдания, адскую муку». Но при этом – исполнен «сознанием своей правоты». Именно так называл свою поэзию Осип Мандельштам.

День сегодняшний – день Поэзии. «Мне кажется, - говорит С. Гандлевский, - что сейчас хорошая поэтическая пора. Когда-нибудь любители поэзии о нашем времени будут вспоминать с большой признательностью. Можно назвать с десяток сильных поэтов. Это не пустяк. Вполне возможно, наше меркантильное и безграмотное время будут вспоминать как сильный поэтический взлет».

Вы только подумайте: сегодня пишут Чухонцев, Кушнер, Мориц, Быков, Кибиров, Кенжеев, Гандлевский, Кекова... Господи, уже довольно для того, чтобы сказать – вот она, Поэзия, жива, и ничего ей не сделается. Как видите, я минималист. Вполне довольствуюсь великим.

Поэзия – это живое и противоречивое дело. Поэтический фестиваль – дело особо живое, особо радостное и по-хорошему противоречивое. Поэты – всюду желанные гости, а уж в Грузии – извечной пристани поэтов всех времен – и подавно. Международные русско-грузинские поэтические фестивали состоялись в 2007 и в 2008 гг. и были организованы Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб». Их участниками были литераторы из почти тридцати стран мира. Среди них – (перечислить: имя, страна). По итогам прошедших поэтических праздников читателям были представлены сборники «Диалог» (2007) и «За четырнадцать дней до войны» (2008). Можно сказать, что сложилась, а точнее, возродилась славная традиция поэтического общения под небом Грузии.

Трагический для Грузии прошлый год останется в памяти и истории навсегда. Но (и здесь не сказать иначе) поэзия – всегда «поверх барьеров». Именно в ней, в поэзии, – колоссальная, прошибающая все преграды, центробежная объединяющая сила. Говоря словами великого Галактиона:

О друзья, лишь поэзия прежде, чем вы,
Прежде времени, прежде меня самого,
Прежде первой любви, прежде первой травы,
Прежде первого снега и прежде всего.

(в переводе Б. Ахмадулиной).

Годы своей жизни можно отсчитывать по-разному. Например, от дня рождения до дня рождения. Или – от Нового года до Нового года. А можно и так – от фестиваля до фестиваля. До очередного русско-грузинского поэтического фестиваля в Грузии.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

В Аджарии

На мосту царицы Тамары

жульничеством, безмыслием и болтовней» (А. Кушнер).

При том, что действительно, несмотря на огромное количество псевдопоэтической дряни, от которой, диву даешься, как не разорвется всемирная паутина, средний уровень владения поэтическим ремеслом

Владимир Угрехелидзе

КАК ПТИЦА ДЛЯ ПОЛЕТА

– А в Книгу рекордов Гиннеса я не попал, – сказал мне Владимир Угрехелидзе при встрече десятилетней давности, – хотя мог с полным основанием рассчитывать на такую славу. – И улыбнулся собственной шутке.

Замечательный грузинский баскетболист, игравший за динамовский клуб Тбилиси, тогда только отметил свое 60-летие и оставался одним из самых любимых в народе. Имя Птица, на которое отзывался заслуженный мастер спорта (1971), прилипло к нему со школы, с седьмого класса, после соревнований по прыжкам в высоту, и в баскетболе, атакуя, он словно зависал в воздухе. В детские годы увлекался легкой атлетикой, волейболом, занимался шахматами у Михаила Шишова – наставника Ноны Гаприндашвили.

Много ответственных матчей сыграл Вова Угрехелидзе за свою спортивную жизнь, в том числе и те два претендующие на рекордные, из разряда особо запоминающихся, но наибольшие испытания ждали его на Римской олимпиаде. Два года раньше его, 18-летнего, выступавшего за «Буревестник», Георгий Авалишвили пригласил в динамовский клуб, и в его составе он стал победителем всесоюзного зимнего первенства. В команде, испытывающей смену поколений, уже ушли или собирались уйти признанные лидеры, с которыми были связаны громкие победы. Заполнить образовавшуюся «брешь» – задача архисложная, и ее предстояло решать молодежи. Решать и расти одновременно. Насколько Владимир Угрехелидзе преуспел в росте мастерства судите сами – скоро его призвали под знамена советской сборной, готовящейся к Олимпийским играм 1960 года.

Как ни странно, запомнилась она грузинскому новобранцу сборной прежде всего печальным эпизодом

матча с пуэрториканцами. После неожиданного проигрыша бразильцам нашим для выхода из группового турнира в восьмерку сильнейших и продолжения борьбы за медали было необходимо выиграть у сборной Пуэрто-Рико, которая показала в Риме игру, которая не могла не нравиться – комбинационную, напористую, результативную. И к встрече с пуэрториканцами тренеры советской команды Степан Спандарян и Евгений Алексеев сделали необходимые выводы.

«Во втором тайме, – рассказывал Угрехелидзе, – наша команда наконец заиграла в полную силу. Мы выигрывали крупно..» И за 58 секунд до финального свистка, когда разрыв в счете составил 35 очков, случилось небывалое. Кто-то из наших бросил по кольцу. Мяч попал в дужку. Петров первый пошел на добивание, за ним Угрехелидзе. В воздухе он почувствовал сильный толчок в плечо. Летит с трехметровой высоты головой вниз! Но успел перевернуться в воздухе и ухватиться за кольцо. В этот момент вся стальная конструкция пошатнулась и рухнула на площадку.

Вову спасло, что он оказался под стеклянным щитом, оградившим его от удара. У его товарища по команде Альберта Вальтина и нескольких зрителей на лице порезы от осколков. Зрители бросились на площадку разбирать осколки на сувениры. Вылез Угрехелидзе из-под разбитого щита и думает: неужели переигровка?

Подошел руководитель советской спортивной делегации, председатель Спорткомитета СССР Николай Романов, большой патриот спорта, всех спортсменов знал по имени. «Не переживай, Вова, – сказал. – Все обойдется». И погладил баскетболиста по голове, по итальянскому «ежику».

Надо сказать, «Римские каникулы» были до предела насыщены событиями, о них спортсмены забывали разве что вечером в олимпийской деревне, когда под открытым небом крутили для них диснеевские мультфильмы, бывшие тогда в диковинку. А сходство со знаменитым фильмом Уильяма Уайлера с Одри Хепберн и Грегори Пеком в главных ролях, прослеживалось в неожиданном изменении облика крайнего нападающего тбилисского «Динамо», после того как итальянец-пере-

«Динамо» Тбилиси-61. В первом ряду - Г.Минашвили, А.Киладзе, В.Угрехелидзе, В.Кекелидзе, Л.Инцкирвели; во втором ряду - А.Лежава, С.Магалашвили, А.Схиерели, И.Хазарадзе, Л.Мосешвили, В.Алтабаев, Р.Гоголия

водчик сводил его к своему парикмахеру и тот предложил новую прическу – до этого Вова Угрехелидзе зачесывал волосы на пробор. Парикмахера того он увидел потом на трибуне «Палаццетто делло спорт» на матче с пуэрториканцами.

Время позднее – час ночи. Судейская коллегия решила зафиксировать результат, а назавтра рассмотреть на технической комиссии. Вмешался генеральный секретарь ФИБА Уильям Джонс – ввиду большого преимущества советской сборной предложил доиграть матч. Хозяевенника, ведавшего запасными щитами, в зале не оказалось, искали его, кажется, по всему Риму.

Через два часа щит заменили и игра возобновилась, и все это время зрители оставались на трибунах. Наши ребята забросили еще два мяча, и матч закончился победой – 100:63.

Матч, в котором Владимир Угрехелидзе первый в мире сломал баскетбольный щит. Только шрам на правой руке напоминал о «геройстве» тбилисского динамовца. Много лет спустя его повторил американец Меджик Джонсон.

Люди увозили из Рима золото, сказал мне Вова, а он – осколок того оргстекла.

В очень принципиальном матче с американской сборной, фаворитами Игр и бессменными их победителями (они и в Риме доминировали, набирая за матч стоочковые результаты), Вове Угрехелидзе поручили опекать звезду из Цинциннатти Оскара Робертсона, и он игру не портил, старался как мог. Вместе с товарищами удалось «закрыть» знаменитость – в первом тайме Робертсон забросил с игры только один мяч. Но у американцев были другие игроки первой пятерки – Уэст, Лейн, Лукас, Дисчингер, тоже звезды первой величины. К пятой минуте второго тайма их усилиями

исход матча был уже решен. Окончательный результат – 81:57 в пользу американцев, которые в пятый раз стали олимпийскими чемпионами. Советские баскетболисты, как в Хельсинки и Мельбурне, выиграли серебряные олимпийские медали, подтвердив свою репутацию сильнейших в Европе. Дома их наградили медалями «За трудовое отличие».

Следующая дуэль Угрехелидзе и Робертсона состоялась через два года – во время турне сборной СССР в США. Оскар играл за команду профессионалов и немало прибавил в классе. Турне наши провели удачно – из восьми встреч выиграли половину. Результат одинаково почетный для обеих сторон. В Москве их даже наградили денежными премиями.

Увы, Римская олимпиада осталась первой и единственной в судьбе Угрехелидзе. И хотя он не был обделен спортивными наградами – бронзовый призер чемпионата мира-63, чемпион Европы-61, обладатель Кубка европейских чемпионов-62 (вершина грузинского баскетбола, покоренная в Женеве, когда тбилисцы, ведомые великим Отаром Коркия, победили мадридский «Реал» – 90:83. На счету Угрехелидзе в том матче 14 очков (его обычная норма), чемпион СССР 1968 года и обладатель Кубка СССР-69, четырех серебряных и одной бронзовой медалью чемпионатов страны, – олимпийские путевки обходили его стороной. Назывался среди кандидатов в олимпийскую сборную перед поездкой в Мюнхен в 1972 году, но его, действующего нападающего, «не заметили», а в состав ввели московского армейца Геннадия Вольнова, два года назад покинувшего площадку и работавшего тренером в детской спортивной школе.

Это один из самых трагических эпизодов в его жизни. В те годы грузинских баскетболистов не очень жаловали судьбы в матчах чемпионатов страны. Особенно

в матчах с ЦСКА. Делалось все, чтобы армейцы стали чемпионами. И в сборной предпочтение отдавали москвичам, ленинградцам...

Жертвой одной из таких интриг стал Угрехелидзе. Сборную к Мюнхену готовил ленинградец Станислав Кондрашин, который не ладил с тренером первой команды страны Александром Гомельским. Кондрашин привлек в сборную Геннадия Вольнова, который за несколько месяцев до Игр в Мюнхене опубликовал в га-

СКА, трехкратными чемпионами Европы.

Арбитр на площадке щедро раздавал фолы. После двух таймов и дополнительных пятиминут Угрехелидзе, выдавший на-гора свои боевые 14 очков, выбыл из игры под грузом штрафных. Замены все уже исчерпаны. На площадке четверо тбилисских динамовцев против пяти рижан. За 12 секунд до финального свистка при счете 88:86 площадку покидает Леван Мосешвили. Оставшаяся тройка – Гурам Абашидзе, Валерий Алтабаев и Тамаз Какауридзе, играя против пяти рижан, сумели удержать победный счет и обеспечить команде серебро Спартакиады. Незабываемая победа, сказочная победа над непобедимой командой Яниса Круминьша!

Динамо́вская команда была дружная, способная на многое. И долго еще при той встрече мы вспоминали баскетбольные битвы, где мой собеседник рублился с товарищами, не щадя сил, которые нам отпущены. Он наделял одноклубников щедрыми эпитетами, но особо выделял Отара Коркия. «Мне посчастливилось, – сказал, – именно так, играть вместе с ним в 1958 году, это была высшая школа баскетбола. После травмы Коркия стал тренером и привел нас к победе в европейском кубке. А еще хочу особо выделить Гурама Минашвили, с кем мы играли в олимпийском Риме. Другого такого дирижера на площадке тбилисское «Динамо» не знало. Гурам для всех нас служил примером трудолюбия и целеустремленности. Он всегда был в отличной форме».

Я дарю ему на прощание мою книгу о грузинских олимпийцах – «Гром победы». «Подарю ее моему внуку – он не верит, что его дед был участником Олимпийских игр,» – сказал мне с улыбкой. Думал ли я, что эта встреча будет последней! Недавно мы все провожали его в последний путь...

Вспоминается, как научная и спортивная общественность страны отмечала юбилей заведующего кафедрой физического воспитания и спорта Тбилисского государственного университета имени Ив.Джавахишвили, доцента Владимира Угрехелидзе, редкого таланта в спорте. Ректор университета академик Роин Метревели по поручению президента Грузии вручил юбиляру Орден Чести и медаль Иванэ Джавахишвили. Каждый выступающий считал своим долгом сказать теплое слово в адрес олимпийщика.

Гурам Минашвили вспомнил, как в 80-е годы Александр Гомельский, комментируя игры Национальной лиги США, в частности, великого Майкла Джордана, сказал: «Был в тбилисском «Динамо» Птица – Владимир Угрехелидзе. Прыжок Джордана напомнил мне его».

Один журналист назвал Владимира Угрехелидзе Галактионом в баскетболе. И это небеса не только в поэзии, но и в спорте, доступные только крылатым людям.

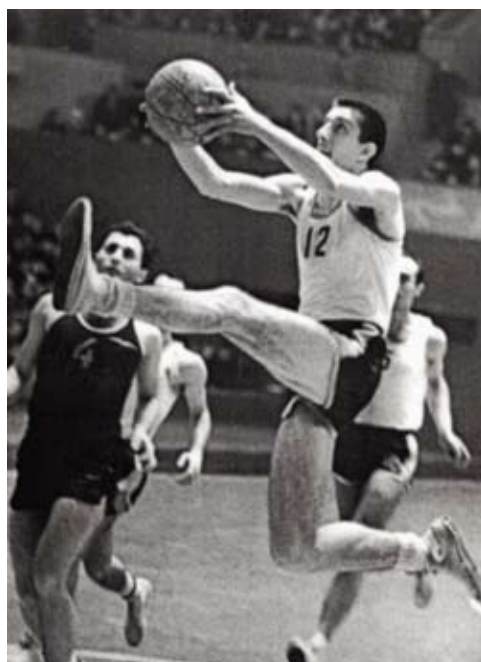
Арсен ЕРЕМЯН

С Отаром Коркия

Атакует Владимир Угрехелидзе

зете «Советский спорт» критическую статью, касающуюся работы Гомельского в сборной. Этим Кондрашин отблагодарил его за статью. На Олимпиаде Вольнов играл мало, выходил на замену в конце матчей, когда их исход фактически был решен, однако олимпийским чемпионом стал.

Мы оба вспомнили исторический матч на Спартакиаде народов СССР 1959 года со сборной Латвии, целиком укомплектованной баскетболистами рижского

ЖИЗНЬ СЛОЖИЛАСЬ САМА...

Высотный дом подле памятника Галактиону на проспекте Ильи Чавчавадзе хранит в своих недрах обыкновенное чудо. На одиннадцатом этаже в квартире-мастерской грузинский художник Димитрий Эристави встречает меня среди радостного изобилия застекленных пастелей. Его элегантная супруга Натела Эристави уходит по делам, оставляет нас беседовать наедине. Правда, добродушный черно-белый юный кот на правах любимца семьи время от времени пытается привлечь внимание к своей персоне. Девушка-журналист ему явно нравится. Лишь бы хозяин не забывал о своем питомце за чаепитием с гостей! Зорро - нетипичный, миролюбивый, светлоглазый - внимательно отслеживает наше путешествие по комнатам.

«В нашей семье всегда жили кошки, - говорит Димитрий Эристави. - Зорро попал к нам случайно. Месяцев восемь назад мы вытащили крохотного котенка из вентиляционного люка».

Любовь к животным - часть любви ко всему живому. Художник утверждает, что никогда не выдумывает тем и персонажей для своих работ: «Я - не Дали. Меня интересует реальность.» Разнообразные, характерные портреты друзей - поэтов Карло Каладзе и Гиви Гегечкори, внимательного оператора Игоря Амасийского, глубокомысленного романиста Отара Чиладзе, старательного переводчика с персидского Тамаза Чхенкели, увлеченного контрабасиста Вахтанга Гегелия и десятков других - создают, как я уверена, в сознании вдумчивого зрителя обобщенный образ волевого, целенаправленного мужчины, генерирующего общественно значимые идеи. Женские портреты имеют больше вариантов художественного прочтения. Женщина в представлении Димитрия Эристави выступает как физически хрупкое, но сильное духом создание совершенно иного порядка, нежели мужчина. Портреты робкой феи с тонкими чертами лица и с кристальными глазами - актрисы Мананы Абазадзе - и снисходительной самоуверенной брюнетки - певицы Нино Сургуладзе, покорившей Ла-Скала, - приоткрывают нам тайную сущность женской природы. Напоми-

нающая египтянку «Нея», «Эка» в испанском наряде, волшебницы «Кетино» и «Инга», десятки женщин приводят нас к замечательной картине «В Лувре». Растерянные туристы замирают перед статуей Венеры. Еще живые люди очерчены по контуру белым - гипс времени забальзамирует всех нас во вселенскую память. Ведь умирают только натурщики - образы остаются навечно. Первейшая задача подлинного искусства - торжествовать над смятием уносящихся в небытие лет, сохраняя извечную правду жизни. Но, возможно, «нельзя отождествлять природу с искусством», как считал Генрих Манн?

«Но я-то предпочитаю книги Томаса Манна, - па-

Весна. 2004

рирует художник. - В молодости я читал самозабвенно, взахлеб. Был более читателем, чем художником. По сей день преклоняюсь перед величием Уильяма Фолкнера и Льва Толстого. Достоевским тяжело «переболел» в свое время - очень давящий на психику писатель. Хотя до сих пор с восторгом вспоминаю очередь на проспекте Руставели в четыре утра. В четыре! Люди терпеливо стояли за подписным изданием Достоевского. (Сегодня такое трудно представить. И предложение, и спрос не те. Даже «Иностранная литература» уже не спешит удовлетворить тех, кто еще разбирается в качественной прозе, - «ИЛ» печатает устаревших авторов. А ведь в молодости мы узнавали новых зарубежных авторов, в первую очередь, благодаря этому журналу.) У Пушкина, неловко сказать, предпочитаю прозу. Видимо, я не поэтичен по натуре. Живу художественной прозой! Михаил Зощенко - мой любимый автор, думаю, он стоит даже выше Шолохова. Я воспринимаю Зощенко не как сатирика, а как лучшего рассказчика о реальности. Книга - вещь интимная. Но надо стараться, чтобы литература не уведила художника от живописи. При всем уважении к Репину и Иванову, думаю, что передвижников литературизирование слишком сильно отвлекло, увело в сторону от непосредственной живописи. Художнику

Димитрий Эристави с сыном Сандро

французского, сын Сандро - отличный художник, замечательная невестка-лингвист Елена и два внука. Чего же еще желать? Жизнь сложилась сама. Всегда вовремя были важные встречи. Например, в шестидесятые, на съемках в Батуми я случайно столкнулся с Нателой, когда съемочная группа искала симпатичных девушек для общего плана пляжа с купальщицами. До сих пор длится наш счастливый брак. Я - беспомощный в быту, а Натела умеет справляться с любыми проблемами. Семья всегда держалась за счет ее энергичной практичности...

Я родился в Солولاки на улице Церетели, а редакция «Цискари» находилась рядом - на Мачабели. Естественно, став художником, я начал сотрудничать с редакцией. Там состоялись знакомства с такими профессионалами пера как Чабуа Амиреджоби и Нодар Думбадзе, Отиа Иоселиани и Гурам Гегешидзе...

Творческая работа находилась для меня как-то сама собою. Я иллюстрировал журна-

Портрет Нателы Эристави. 1962

Воскресный день на проспекте Руставели. 2007

иллюстрируя «Гамлета» Шекспира, «Тиля Уленшпигеля» де Костера, «Посмертные записки Пиквикского клуба» Диккенса, автобиографические повести Горького...»

Перед нами лежит недавно выпущенный в Лейпциге перевод на немецкий повести Ильи Чавчавадзе «Человек ли он?» Графические черно-белые иллюстрации к изданию были сделаны Эристави по его же пастельным образцам. Энергичные, трагикомичные сценки Эристави вводят теперь и немецкоязычного читателя в мир кавказского гротеска, сценического преувеличения и полновесной откровенности.

«Меня смешит, когда художника спрашивают о дальнейших творческих планах, - мастер бережно ставит книгу на полочку. - Я никогда ничего не загадываю наперед. У меня есть любимая жена - педагог

«Нианги», «Дроша», «Литературную Грузию», да, собственно, почти все периодические издания Тбилиси. Не смогу перечислить всех талантливых людей, которых посчастливилось встретить за жизнь! Храню шарж моего друга Чубчика (так мы звали ушедшего Тенгиза Мирзашвили): посмотрите, он, я и Гигла Пирцхалава - восторженная, но серьезная троица в чем-то схожих друзей. Среди талантов - до сих пор мои самые близкие друзья. Мне посчастливилось встречаться с Ладом Гудиашвили. Знаете ли, это ужасно, когда человек жаждет писать кинто, романтические сценки старого Тбилиси, а ему приходится выполнять соцказ - изображать сбор чая на плантациях. Гудиашвили вернулся в Союз добровольно, но тяжело страдал от перемен. Стоит заметить, что грузинским художникам

везло. Лишь единицы из них были репрессированы. Художники по натуре редко бывают многословными. Так, художники в основном молчали. А писатели ораторствовали, поэтому из грузинской творческой интеллигенции в основном уничтожали именно их...»

Мастер станковой и книжной графики Димитрий Эристави официально стал народным художником Грузии в 1985 году - в пятьдесят четыре года. Плакаты к фильмам были лишь ничтожной долей интенсивной работы Эристави. Он участвовал в создании пятнадцати кинофильмов (три из них снимались с участием кинофирм Франции и Италии). «Я, бабушка, Илико и Илларион» Тенгиза Абуладзе, «Необыкновенная выставка» и «Экспресс-информация» Эльдара Шенгелая, «Вершина» Мераба Кокочашвили, «Листопад» и «Фавориты луны» Отара Иоселиани - каждый фильм, для которого Эристави делал раскадровку, эскизы, художественное оформление, стал частью жизни художника. Сценарий фильма «Жил певчий дрозд» Иоселиани писал совместно с Эристави. На «Киношок-2001» была представлена киноработа Мераба Тавадзе «По винтовой лестнице». В ее создании приняли участие сразу три тбилисских художника - Отар Вепхвадзе, Ия Гигошвили и Димитрий Эристави. Весной 2006 года в галерее «Муза» Интернационального центра культуры имени Мераба Бердзенишвили состоялась персональная выставка мастера, на которой были представлены его лучшие работы. Сразу после этого культурного события Эристави был награжден премией Руставели в области живописи. «А в области литературы эту премию заслуженно присудили Бесику Харанаули, - дополняет художник. - Было приятно за нас обоих».

здоровье, свою жажду жизни и тяготение к прекрасному. Девушки Эристави не пробуют «остановить прекрасное мгновение» - они пластичны, динамичны, устремлены в будущее... Нагие, легкие существа бегут по сырой земле подобно божественной Диане-охотнице, подобно Таис Афинской и другим античным жрицам любви и плодородия. Искусство ритмических движений тела - пластика реальной жизни - познана художником в совершенстве. Несмотря на теоретическую принадлежность ДЕВУШЕК ЭРИСТАВИ к типу красоты, избранному в начале второй половины прошлого века, они все-таки не являются только лишь принадлежностью конкретного времени. Потому и одежда на красавицах Эристави носит чисто условный характер. Прозрачные ткани нежных тонов зеленого, голубого и розового льнут к идеальным фигурам, подчеркивая достоинства человеческого тела. Одежда вне моды определенного периода, полная свобода и условность причесок, отсутствие бижутерии - все это говорит о внутренней независимости женского существа от обстоятельств, о самоуважении без самолюбования. Пружинистый шаг, прямая осанка, общая красота телодвижений - это то, чего остро не хватает сегодняшней молодежи. Здоровая чувственность обязана приносить человеку эстетическое удовлетворение. Эристави наглядно доказал, что между утонченным изяществом и плотской вещественностью существует золотая середина. Природный дар вписываться в гармоническое движение всего живого планеты развивается планомерными физическими нагрузками и духовным самосовершенствованием. Так, «Весна» Эристави приносит нам чарующие образы женственности не отвлеченно-мечтательной, но целеустремленной и способной найти себя в увлекающем потоке существования.

Продавец фиалок

Точильщик

Каждый человек волен выбирать в творчестве Эристави то, что ему по вкусу - художник обладает разными уровнями творческого мировосприятия и самовыражения. На лучшие места в галерее моей памяти я помещаю восхитительных ДЕВУШЕК ЭРИСТАВИ. Они не похожи на изможденных фотомоделей нового века. Типичные красавицы 60-70-ых годов века двадцатого - радость художника. Полные бедра, налитые груди - потенциальные матери, передающие по наследству потомству свое физическое и душевное

музыка бытия; люди непрерывного труда - сапожники, дворники, токари, ученые, скрипачи - сценки городской жизни Тбилиси, созданные Эристави более чем за полвека, внушают уважение к повседневным проявлениям социальной жизни, открывают, что каждый из нас - творческая личность, пусть непризнанная, но самоценная.

И снова, бесконечной вереницей - женские образы... Недавно начатая серия «Призраки» представляет совсем иных девушек, чем те, что уже полюбили

нам. Девушки нашего времени - призрачные, неустроенные, озябшие, суетно спешащие из метро по переходам, сквозь проходные дворы, под дождь, в неизвестность...

«Не знаю, жизнь ли изменилась или я старею, - вздыхает художник. - Когда-то я заметил, что мои девушки каждые три-четыре года меняют походку. Меняется даже стилистика времени, сленг, жесты, отношение к жизни. Наверно, не стоит трагедизировать. Возможно, скоро в очередной раз станет заметен тип человека, возрождающий лучшее, что есть в человеческой природе...»

Я не только учу молодежь, но и сам учусь у нее иному видению реальности, чтобы не заостенеть в своем мирке. На моем факультете станковой графики в Тбилисской АХ масса талантливых молодых людей. Особенно успешны девушки. Они больше работают. К слову, у нас очень удачный преподавательский состав из профессионалов: завкафедрой графики плакатист Тамаз Варваридзе, Гоги Церетели, Лорета Шенгелия и Лали Замбахидзе...»

Сегодня в мастерской художника на мольберте стоит пастель «Пильщик дров». Пильщик из прошлого Эристави, из его детства, когда приход мастеров вызывал буйную радость всех дворовых детишек. «Мы подставляли руки под искры, летящие от колеса точильщика ножей, - вспоминает художник. - Мечтали коснуться пилы. Замирали, услышав уличного шарманщика...» Мастер усердно разрабатывает старые эскизы, воскрешая шарм старого города. Я интересуюсь: что еще из прошлого художника вспоминается особенно ярко? Он признается, что детство было нелегким, голодным. «А вспоминать все равно радостно!..»

Во время революции имения княжеского рода Дадиани-Эристави были конфискованы. Отец Димы - Вахтанг Эристави - старался не выходить из дома в опасные годы. Его аристократический профиль и пенсне, чтение Лермонтова и Мильтона сыну в оригиналах незабвенны. Переводы Вахтанга Эристави очень ценны. Так, поэма Лермонтова «Мцыри» была переведена им на английский и перепечатывается за рубежом до сих пор. Знаменит также и перевод В.Эристави романа «Десница великого мастера» Константина Гамсахурдиа, изданный в Москве. Мать художника - Тамара Картвелишвили - окончила заведение святой Нины, училась в Женеве, предпочитала говорить на французском и русском языках. Дома родители пытались приучить Диму общаться с ними на английском. Сыну это казалось лишним, но язык был все-таки освоен. Внешность Дима унаследовал от отца матери - мирового судьи Михаила Картвелишвили. (Романтичность и аристократизм, к счастью, были в нем менее проявлены, чем в дедушке по отцу - Димитрии Эристави.) Дима учился с обычными ребятами в третьей мужской школе. Теперь он уверен, что раздельное обучение лишает возможности шлифовать характер взаимодействием полов. Писать - не картины, а тексты - Дима не любит со школы. От природы он левша, в школе это было проблемой. Эристави гордится тем, что его младший внук Леван отстоял свое право быть левшой - и сейчас оканчивает школу, рисуя как дано от природы. (Старший внук Димитрий по примеру отца и деда учится на факультете компьютерной графики в Тбилисской АХ.) Семья Эристави вовсе не жаждет возвращения монархии, понимая, что прошлого не вернуть.

«Советское время выжгло все подлинное, что отнеслось к царям и князьям. Уничтожение корней шло

методически. Восстановление аристократии сегодня было бы просто искусственным. Мне странно даже думать об этом! Жизнь ушла вперед. Не все можно вернуть, нет смысла тосковать о прошлом, - поясняет Эристави. - Гораздо важнее внушать нынешним людям, что нельзя культивировать уродство. Надо учить людей видеть красоту внутри и вне себя. У меня «не контакт с абстракцией», предпочитаю конкретно выраженное. Хорошего в жизни всегда больше, чем плохого. Лишь бы близкие были живы-здоровы... По настоящему мне было тяжело, когда заболела мама. В связи с этим уместно вспомнить Параджанова.

Сержик производил впечатление легкомысленного человека только на людей легковесных. Моя встреча с Параджановым произошла в самый тяжелый период болезни матери. Хороших лекарств от онкологии в Тбилиси в тот момент не было. Посоветовали привезти из Киева. Я стал думать: кто из моих близких в Киеве? Никого! И вдруг узнал: Параджанов летит на Украину. На застолье, прежде чем произнести тост, я сказал: «Сержик, я хочу попросить...» И, представьте, еще не прошло мое суточное похмелье, как пришла телеграмма: «Лекарство выслал». Эта депеша долго висела в моем доме, приколотая к стене. Параджанов обожал помогать и дарить. Я запомнил его как отзывчивого и ответственного человека. Кстати, кропотливый труд - раскадровку к своим фильмам - он делал сам...

Еще памятно, как Юра Чачхиани и Манана Гедеванишвили крестили Беллу Ахмадулину.

Ахмадулина - один из лучших друзей Грузии. Она переводила, кутила, вдохновляла тбилисскую интеллигенцию.

Из поездок вспоминаю съемки в Париже (полгода готовил раскадровку для «Фаворитов луны»), отдых в Болгарии, в Варне, и то, как юношей стоял на невольной набережной на одной руке, вниз головой, как гимнаст. Я был в молодости гибким, озорным, задорным. Гибкостью и пластикой восторгаюсь! Жалею, что не удалось написать портрет Майи Плисецкой. Она приезжала в Тбилиси, но была недосыгаемой, недоступной. Какая шея, какие гениальные изгибы - чудо, невероятно!..»

Обнаженные красавицы в золотом сиянии молодости; картины Родины - все мы здесь, от священника до солдата; будничность Зошенко и мистерии Шекспира - да, творчество художника вобрало в себя всю полноту жизни.

Любуясь его картинами, хочется жить и верить, что когда-нибудь удастся сказать так же легко и радостно, как говорит сегодня Димитрий Эристави: «Жизнь сложилась сама!»

Виолончель. 1992

Катя ЦИБЕР

ВЕРТИКАЛЬ

Все зависит от того, КАК вы читаете стихи.

Я их читаю доверчиво.

Я свято верю в то, что не дело литературоведа влезать в поэтическую кухню и поучать автора, какими ему пользоваться рифмами, метафорами, сравнениями, ритмом... Правила игры диктует поэт. Если он – Поэт. А я лишь благодарно подчиняюсь.

Арсен Еремян – поэт. Ему и командовать. Пусть он объяснит мне, что такое поэзия. Я прилежный ученик.

Наш город – город стихов. В Тбилиси могут общаться стихами, говорить тосты стихами, иногда мне кажется, что мои земляки и сны видят в стихах. Тбилисца стихами удивить очень сложно, а уж профессионального филолога, каковым является автор этих заметок, - и подавно. Арсен Еремян смог удивить. Настолько свежие его строчки, настолько – и это главное – незаемные!

С радостью и изумлением узнаю, что в моем городе, где – через одного – все слагают рифмованные строчки, живет поэт, который без малейшей пошлости (от слова «пошло», то есть затвержено, надоело, всем известно), с чувством меры, вкуса и достоинства пишет свои стихотворения. Сквозняк! Свежий ветер!

Пастернак ценил в поэзии «неслыханную простоту», и мне неизвестны иные мерил поэтического дарования.

Невыносимо, если поэт на кого-то похож. Неприемлемо, если поэт все время с кем-то аукается, перекликается. «Неслыханно» и «просто» пишет Арсен Еремян.

Как уже было сказано, я принимаю правила поэта и не навязываю своих.

Я принимаю прерывистый ритм его стихотворений, потому что понимаю – это его прерывистое дыхание, это взволнованная речь неравнодушного человека... Вообще, равнодушие и умение быть благодарным, как мне видится, - его отличительные черты. Сбивается дыхание, сердце бьется торопливо, эмоции волнами накатывают одна за другой, память прокручивает свою

бесконечную киноленту... Отсюда – сбивка ритма, отсюда – стоп- кадры, отсюда - интенсивность рассказа. Сгоряча, выстраданно. И я с радостью попадаю в этот ритм. И понимаю – если он сбивается, значит, мне, читателю, необходимо встряхнуться, оглядеться, посмотреть вокруг повнимательнее...

Арсен Еремян – очень неповерхностный поэт. И я принимаю его неточные рифмы. Конечно, нам известен постулат, озвученный Арсением Тарковским, - «неточные рифмы – это плохой тон». Но несомненно и другое. Поэт – раб языка. И иной раз язык выделяет с пишущим человеком невероятные вещи, извлекая из своих глубин такие неведомые пласты, нечто настолько неизведанное и неожиданное, что поэту остается только послушно записывать, а читателю - читать, удивляться и наслаждаться. Арсен Еремян – раб языка. Он делает рифмами языковые созвучия. И хотя он, конечно, не первопроходец в этом, но, смело нарушая рифмо-ритмические каноны, магистрально пронося мощный интеллектуальный посыл (афористичный, хоть с ходу записывай и запоминай), он и дарит читателю стихотворения, отмеченные авторской самобытностью.

Безусловно, в ремесле поэзии (а поэзия – это и ремесло) почти невозможен поэт-недоучка, поэт – плохой и неблагодарный ученик, поэт – родства непомнящий. Мне кажется, что А. Еремян хорошо знает Тарковского, Пастернака, Самойлова. Думаю, что ему близок К. Симонов – удивительнейший поэт в прозе и прозаик в поэзии, сумевший облагородить и воспеть то, что, казалось бы, находится за гранью стихотворчества.

Я надеюсь многому научиться у автора книги «Автограф». Он ироничен. Он щедр. Он незлобив. Он начитан. Он исключительно благодарный человек. Он умеет любить. Я думаю, что, по прочтении стихотворений Арсена Еремяна, и мне – его благодарной читательнице – перепадет немного той Любви (в высшем ее смысле), которой наполнена его книга.

Спасибо за это.

Лучшим подтверждением всего сказанного могут быть только стихи.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

АРСЕН ЕРЕМЯН. Стихи

QUO VADIS

Страннолюбия не забывайте;
ибо чрез него некоторые, не зная,
оказали гостеприимство Ангелам.

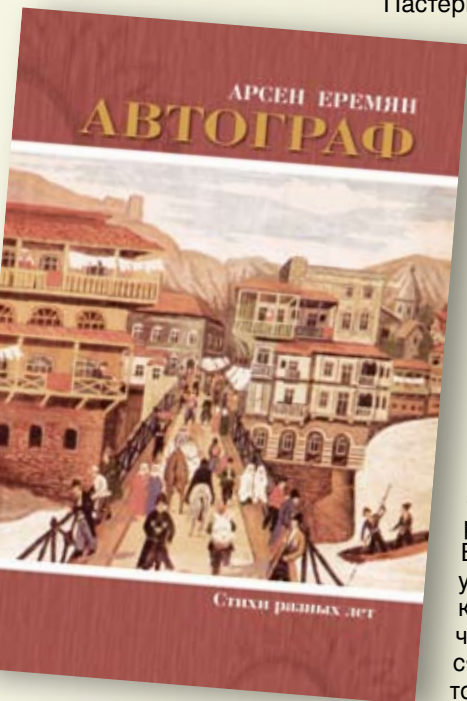
*Послание к Евреям
Святого Апостола Павла 13:2*

Задай вопрос себе как странник,
Куда идти, свой крест нести.
Как под ногой тропа блестит,
Как далеки края пространные

И та земля обетованная,
Где тебя примут не ропща,
Утрут власами твои раны,
Не осуждая каждый шаг.

Рай потерять – проделки змея,
Брести, не оставляя след,
Своих усилий не жалея,
Не сорок – много больше лет.

Неопалимый куст найти,
Извечные прочесть скрижали,
Но снова мысль тебя ужалит:
Куда идти, куда идти?

СЧАСТЬЕ

Года событиями выстроив,
Один я в церкви без икон
На книги помолюсь неистово,
В их веру снова обращен.

Я ухом к памяти приник
И тшусь отца услышать снова,
Готов уйти из мира книг
Ради единственного слова.

А счастья в этой жизни нет,
Прельщают нас его зарницы.
Толстого помните ответ
На то, что часто счастьем мнится.

Так Бунин эмигрантом в Грассе,
Входя, крестясь, в наемный дом,
Зарницы слышал те безгласные,
Кронштадтских пушек громче гром.

Цените их, живите ими.
Зарницы – дети все грозы,
Лишь на мгновение живые,
Нас озаряют, как призыв.

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

Не изменив своей привычке
Писать неторопливо в стол,
Когда прочувствуешь ты лично,
Что вещь готова на все сто?

Ты ведь не первый, не последний,
Кто нетерпением горя,
Себя корит за промедление
И мысль не шпорит, как коня.

В хозяйстве чинно и картинно
За частоколом тесных слов.
Но книга, книга не картина –
Уходит в стол, как пуля в ствол.

Таится с давних пор заряд,
Ложась на сердце грозной гирькой.
А рукописи не горят,
Сгораешь ты, корпя над книгой.

АЛЬТЕРНАТИВА

Висни в небе, как крепость Короглы.
Стоя века и стихов не пиши.

Т. Табидзе

Пусть талант твой прорезался рано,
Ты стихом не стреножь свою речь.
Помни мудрый совет Тициана,
Как соблазнами пренебречь.

Не гони ты стихи вал за валом.
Негасимым Керемом горя,
Хоть один сотвори, чтоб обвалом
Громовым отозвался в горах.

Видно, прав был поэт, пророча:
Если мужества в книгах нет,

Предпочтет нам потомство мацонщиков,
Коль сошелся на них клином свет.

СЛЕПОЙ ТРОЛЛЕЙБУС

В чужую душу ты не влезешь
И в собственную не вступи.
Бежал троллейбус по-газельи,
С салоном сонным и пустым.

И в такт ускоренного бега
Сосед мой думал и дремал.
На месте, крайнем как омега,
Тетрадку тонкую достал.

Нацелился карандашом умело
На лист, не тронутый, как снег,
Слепив портрет штрихами смелыми
Той, что мечтала как во сне.

В волнах кудрей отменно желтых
Пылало женское лицо,
Стараньем властным приближенное
Опомнившимся молодцом.

Художник в куртке нероскошной
И с виду вовсе не Тарзан.
А вот мальчишка осторожно
Косит в тетрадочку глаза.

И не польстил тогда нисколько,
Ей нос никак не уменьшил,
Он опустил в карман глубокий
Эскиз и выйти поспешил.

Она о чем-то призадумалась,
Была в салоне и не тут.
Божественный огонь задули,
Мы проморгали красоту.

Как далека она от подиума
Девиц с округлыми грудями.
И не сведет тебя с ума
И явно на модель не тянет.

И что нам до судьбы чужой,
Сегодня вроде не до жиру.
Бежал своею стороною
Слепой троллейбус с пассажирами.

АВТОГРАФ

В бездонном небе след оставил
Бесшумный лайнер надо мной
И философствовать заставил,
Что лучше – гром или покой.

Тот след растаял понемногу,
И небеса опять чисты.
Нас происшествие не трогает,
И самолета след простыл.

И вроде шумным путь мой не был,
Так пусть уделом будет мне
Оставить свой автограф в небе
И раствориться в тишине.

ЛЮБИЛ КАК ВТОРУЮ РОДИНУ

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
М.ИППОЛИТОВА-ИВАНОВА

Имя Михаила Михайловича Ипполитова-Иванова, одного из основателей музыкального образования в Грузии и блестящего организатора музыкальной жизни в Тбилиси 1883-93 гг. уже знакомо читателям «Русского клуба» по очеркам «Возвращение Онегина» (2006, №7-8) и «Печать неотразимой симпатии» (2007, №11). Начавшая творческий путь «декада» грузинских лет возлагала на вчерашнего студента задачи, требующие неустанного напряжения: организаторская и педагогическая работа, выбор оперного и концертного репертуара, деятельность дирижера-постановщика, композитора и фольклориста. И весь этот период, ознаменовавшийся сближением с замечательными деятелями грузинской культуры, их поддержкой и ободрением, озарен встречей с П.И.Чайковским, дружба с которым стала путеводителем в его начинаниях.

Переезд 22-летнего выпускника Петербургской консерватории в грузинскую столицу не был случайностью. Увлечение творчеством Лермонтова, поэмами «Демон» и «Мцыри», романом «Герой нашего времени» пробудило в нем страстное желание увидеть Кавказ. Оно усиливалось увлекательными рассказами К.Алиханова, однокурсника из Тифлиса, о природе Кавказа, обычаях горцев, грузинских песнях. В это же время завязались знакомства - талантливый пианист и композитор Г.Корганов, семья Завриевых, дочь которых училась в консерватории. Здесь собирались приехавшие из Тифлиса братья Андрониковы, Придоновы, Халатовы. Они радушно приняли юношу в свою среду, ввели в круг устроителей вечеров в пользу грузинских студентов. Поэтому, когда по окончании процедуры выпускного акта в консерватории президент Музыкального общества спросил у Ипполита-Иванова, что он намерен делать в дальнейшем, тот ответил, что хочет увидеть Кавказ и побывать в Тифлисе. Намерение было поддержано, Главная дирекция выдала документ с официальным поручением, и Ипполитов-Иванов едет в Тифлис с предложением открыть отделение Императорского Российского музыкального общества «Так судьба направила мой жизненный путь» - писал Михаил Михайлович на закате лет, и предшествующий отъезду в Грузию летний отдых в украинской деревне с терпким ароматом степных трав и ослепительным сиянием звезд в лунные ночи стал для него «поэтической прелюдией к Кавказу», о котором он «так давно мечтал».

Возглавив музыкальное училище, Михаил Михайлович соприкоснулся с множеством обязанностей: ведение теоретических предметов, чтение лекций по

истории музыки, руководство ученическим хором, преподавание обязательного фортепиано. Задачу облегчал прекрасно подобранный педагогический коллектив, ядро которого составляли талантливые представители старой венской школы (Э.Эпштейн, А.Мизандари) и блистательные выпускники консерваторий обеих столиц (пианисты Л.Бетинг, Г.Корганов, скрипачи К.Горский и Е.Колчин; виолончелист И.Сараджев; класс вокала представляли Х.Саванели и В.Зарудная). Руководство административно-хозяйственной частью полностью взял на себя К.Алиханов. Неутомимый подвижник в деле музыкального образования в Грузии, за что новый директор был ему несказанно благодарен.

Поначалу Михаил Михайлович никак не предполагал, что его пребывание в Тифлисе растянется более чем на год. «...При существующем порядке ведения музыкальных классов я ни в коем случае не останусь, а если останусь, то в корне изменю весь учебный план» - писал он будущей теще - В.Гарсевановой-Зарудной. Одна из главных задач в утвержденной Ипполитовым-Ивановым программе обучения - преодоление дилетантизма в отношении к фольклору, выработка профессиональных навыков. «Я старался заинтересовать учащихся теоретическим анализом их народных песен, научить их находить гармонические и мелодические особенности в той или иной песне и вообще приохотить их к записыванию и обработке», - вспоминал впоследствии Михаил Михайлович. Сам

он считал положение этнографа в неисследованной области заманчивым и очень интересным. Пробыв в Тбилиси лишь год, он отправляется «вглубь Кахетии – в сердце Грузии», чтобы записать народные песни, и в письме к Чайковскому сообщает, что собирается просить П.Юргенсона издать их в Москве. Из стен училища, где надолго сохранились заложенные его первым директором традиции, вышли такие «славные деятели» (Ипполитов-Иванов) грузинской культуры, которые, продолжив образование в Московской консерватории, вернулись на родину для музыкально-просветительской работы среди своего народа; среди них на первом месте З.Палиашвили, выпускник училища 1889 года.

Как дирижер Ипполитов-Иванов дебютировал в юбилейном концерте, посвященном 25-летию педагогической и исполнительской деятельности пианиста и педагога Э.Эпштейна, который состоялся в оперном театре 5 ноября 1882 года. В его программу вошли увертюра Ф.Мендельсона «Фингалова пещера», Седьмая симфония Бетховена, фортепианный концерт Шумана. Последний прозвучал в переложении для двух роялей в исполнении «превосходной пианистки» (Ипполитов-Иванов), ученицы Эпштейна Елизаветы Васильевны Гарсевановой и самого Михаила Михайловича. Энтузиазм публики подтвердил ее благосклонность к серьезному репертуару, и Михаил Михайлович задался целью повысить уровень оркестра, пополняя его состав способными выпускниками училища. Результаты сказались незамедлительно. Став через 10 месяцев дирижером оперного театра, в письме к Н.Зарудному Ипполитов-Иванов с удовлетворением отмечал, что «оркестр неузнаваемо изменился». Сомещение в одном лице директора училища и дирижера оперного театра давало возможность беспрепятственно распоряжаться кадрами, предоставляя места только достойным. Через три года сформировался ансамбль, который под управлением приглашенного в Тифлис Чайковского (1885) свободно справился с исполнением таких произведений, как Первая сюита, увертюры «Ромео и Джульетта» и «1812 год», Серада для струнных инструментов, заслужив одобрение их автора. Это способствовало тому, что уже в следующий приезд (октябрь 1890 г.) Чайковский официально прибыл в Тифлис как дирижер, остался очень доволен оркестром, «и я, - делится на старости лет с читателями Михаил Михайлович, - торжествовал, так как все его комплименты в отношении оркестра косвенно относились и ко мне».

Поступление Ипполитова-Иванова на службу в Тифлисский казенный театр совпало с началом частной антрепризы Ивана Егоровича Питоева, «фанатически преданного оперному делу». Главной его целью была пропаганда неизвестных тифлисским меломанам русских опер. На их постановки он не жалел ни здоровья, ни личных средств, действовал без оглядки, не считаясь со своими финансовыми возможностями, и, вконец разорившись, вынужден был оставить антрепризу, оставаясь в театре как режиссер. «Питоев в моем лице приобрел друга и помощника» - вспоминал Ипполитов-Иванов. Из множества поставленных в период его пребывания в Тифлисе русских опер («Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила» Глинки, «Майская ночь» Римского-Корсакова, «Демон», «Фераморс» и «Маккавей» Рубинштейна, «Мазепа», «Евгений Онегин», «Чародейка» и «Орлеанская дева» Чайковского, «Рогнеда» и «Вражья сила» Серова, «Руфь» Ипполитова-Иванова) особо трепетной была работа над операми Чайковского. Здесь мы вплотную подошли

к чрезвычайно ценной и почти незатронутой культурологами эпопее эпистолярного общения Ипполитова-Иванова с Чайковским. Их переписка, продолжавшаяся до конца дней Чайковского, содержит обширную панораму художественной жизни грузинской и обеих северных столиц; хронику творческого процесса этих композиторов и положения их оперной эстетики, сведения о личностных качествах, симпатиях и антипатиях. Страницы писем запечатлели картины семейного быта Ипполитовых-Ивановых и проживавшего в Тифлисе брата Чайковского Анатолия Ильича – юриста, а в дальнейшем губернатора и сенатора, эпизоды тифлисской уголовной хроники, имена лиц, причастных к иконографии Чайковского (фотограф-профессионал М.Барканов и фотограф-любитель князь И.Андроникашвили, скульптор Ф.Ходорович).

Приехав в Тифлис, Чайковский был приятно удивлен тем, какое место в культурной жизни города занимает опера и как популярна его музыка. Не подлежит сомнению, что вынесенное композитором впечатление о «тонкой художественной восприимчивости» местной публики стало причиной его обращения к императору Александру III с просьбой выделить дополнительные кредиты на завершение строительства нового здания оперного театра (старый театр был разрушен пожаром в 1874 году). Нависшая угроза прекращения оперных спектаклей (выделенное на Водовозной улице здание оказалось непригодным для театральных постановок) сильно тревожила Чайковского. «Я чуть не плакал от огорчения по этому поводу», - признается он Ипполитову-Иванову. У этих событий была и другая сторона; из переписки композиторов следует, что затруднения с помещением для оперы стимулировали интерес публики не только к симфоническим концертам, которые стали проходить при полных сборах, но также к «оперным

М.Ипполитов-Иванов с преподавателями и студентами Тбилисской консерватории. 1920-е гг.

ученическим упражнениям»; так назывались введенные в программу вокального факультета вечера, где силами учащихся исполнялись фрагменты из разных опер (понятно, что эти мероприятия возлагали дополнительную нагрузку на Ипполитова-Иванова – дирижера, бывшего при этом их учредителем).

Проживая в грузинской столице, Ипполитов – Иванов регулярно сообщает Чайковскому об исполнении его произведений и реакции слушателей: «Твой первый концерт играла Калиновская с громадным успехом, и он у нас популярнее 2-го концерта» - писал он. Обратим внимание, что Второй концерт, музыка которого и сейчас не особенно известна, в Тифли-

се того времени, по-видимому, не был редкостью в программах.

К выбору исполнителей произведений Чайковского Михаил Михайлович относился с особой ответственностью. Надо полагать, что именно по этой причине он не решился поставить «Пиковую даму» при жизни ее автора. «Пиковая дама», - писал он Петру Ильичу, - пойдет только в том случае, если будет подходящий состав – ты это решишь, предварительно послушав моих новобранцев – иначе я боюсь тебя оставить при пиковом интересе».

Много радости доставило Ипполитову-Иванову возобновление оперы «Мазепа». Автор не смог присутствовать на премьере. Слушавшие ее Анатолий Ильич с женой решительно высказались о предпочтении этого спектакля столичным, и Петр Ильич в письме благодарил Ипполитова-Иванова за постановку, которая, вследствие ограниченности ресурсов, должна была стоить «больших трудов». Отчетливо представляя это, Чайковский проникается идеей найти «не сильно драматический сюжет» и написать вещь, в соответствии с возможностями провинциальной сцены.

Утверждение опер Чайковского в репертуаре труппы происходило после тщательного отбора. Когда Ипполитов-Иванов захотел поставить «Опричника», с музыкой которого у него были связаны волнующие воспоминания о первом посещении оперного театра, Чайковский решительно запротестовал. Этот

афишах тбилисского театра значилась и спустя полвека после ее премьеры.

Событием огромного значения был выход на сцену оперы «Чародейка». По свидетельству Ипполитова-Иванова, купюры, с которыми эта опера была впоследствии издана Юргенсоном и ставилась во всех театрах, были сделаны для тифлисской постановки при участии автора, Ипполитова-Иванова и режиссера спектакля И.Прянишника. «Вначале эти купюры Петра Ильича пугали, он в ужасе хватался за голову и говорил: «Зачем я столько лишнего написал», но блестящие последствия этого сокращения его вознаградили», - писал Ипполитов-Иванов, вспоминая об «идеальном составе» и «изумительном составе» исполнителей.

Общение с Ипполитовым-Ивановым нашло отражение в тексте одного сочинения Чайковского. В «Арабском танце» из балета «Щелкунчик» использована мелодия грузинской колыбельной «Иавнана», записанная Михаилом Михайловичем в имени князей Джорджадзе «Энисели» во время экспедиции в Кахетию. В свою очередь, Ипполитов-Иванов активно вводит Чайковского в свою творческую лабораторию, подробно отчитывается о текущей работе и замыслах новых сочинений, испытывая бесконечную благодарность к советам своего выдающегося наставника: «... нравственному выздоровлению я обязан Вам. Несколько слов ваших замечаний открывают нам, людям теоретически подготовленным, совершенно новые горизонты и становятся нашими заповедями, значение которых бесценно».

В ответах на советы Петра Ильича оттачивалась эстетическая мысль, выкристаллизовывалось собственное понимание творческого процесса.

С большим вниманием следил Чайковский за сочинением опер Ипполитова-Иванова. Первая из них – «Руфь» - написана на малосценичный сюжет, который привлек автора «спокойной идиллией библейской картинности». Изучив ее партитуру перед премьерой, Чайковский писал, что эта опера, при недостаточной сценичности, в музыкальном отношении «просто прелестна», что «в ней есть музыкальная физиогномия, залог превосходной композиторской будущности» и начал хлопотать перед Юргенсоном о ее издании. Следующая опера – «Азра» на сюжет мавританского сказания - вызвала со стороны со стороны Петра Ильича двойственное отношение. Факту премьеры русской оперы на тифлисской сцене Чайковский придавал особое значение. «Вы не можете себе вообразить, - обращается он к В.Зарудной, - как я рад, что еду в Тифлис, что услышу «Азру», буду таскаться на все репетиции!» Однако, внимательно изучив рукопись, композитор вынес такой вердикт: «Музыка местами чудесная; сюжет убийственный».

Общей чертой, сближающей Чайковского и Ипполитова-Иванова, было чуткое внимание к окружающим. Наличие художественных способностей, стремление к духовному росту всегда встречало отклик с их стороны. По приезде в Тифлис Петр Ильич рекомендует директору Петербургской консерватории К.Давыдову «двух талантливых девочек Смиттен», находя у них «достаточно способностей для того, чтобы они впоследствии могли принести честь консерватории».

Предмет заботы и постоянного беспокойства Ипполитова-Иванова - вопрос дальнейшего образования выпускников Тифлисского музыкального училища. Затруднительность в оказании своевременной помощи воспринимается им как несчастье. Так, узнав, что

«почти во всех отношениях» неудавшийся опус, по убеждению автора, мог появиться на тифлисской сцене лишь после основательной переработки. Условием постановки предложенной Ипполитовым-Ивановым «Орлеанской девы» было наличие певицы с «героическим темпераментом» (Чайковский); на эту роль из Мариинского театра была специально приглашена М.Каменская. Но, в первую очередь, Петр Ильич рекомендовал поставить «Черевички», и, по-видимому, правильно предугадал интерес здешних слушателей; эта опера, которая в России шла эпизодически, на

певец-баритон К.Цхомелидзе не имеет средств для продолжения занятий в Московской консерватории, он просит С.Танеева, директора консерватории, ссылаясь на высокое мнение Чайковского о голосе этого певца, освободить его от платы за учебу. Когда одна из учениц Зарудной отправилась для продолжения образования в Женеву, но не нашла, к кому обратиться, он пишет Чайковскому: «Помогите нашему горю, Петр Ильич!» И Чайковский, который всегда был очень высокого мнения о работе Ипполитова-Иванова на посту директора училища («... в классах у них 230 человек, и дело процветает»), советует «обратиться к женевскому священнику, отцу Петрову, который много лет живет в Женеве и, наверно, сумеет что-то подсказать».

Много сердечного тепла отдавали Чайковский и Ипполитов-Иванов музыкантам, приглашаемым в Тифлис для поднятия уровня музыкального образования. Известно, каким вниманием окружила семья Анатолия Ильича Чайковского А.Направника, сына композитора и знаменитого дирижера Мариинского театра. Назначенный на должность руководителя «педагогических музыкальных курсов», он встал перед задачей создания постоянного хора для спектаклей Артистического общества.

С готовностью откликнулся Ипполитов – Иванов на предложение Чайковского зачислить в преподавательский состав училища рекомендуемого А.Рубинштейном композитора М.Екмаляна. Его приглашение сопровождалось ходатайством перед дирекцией ИРМО о дополнительной субсидии, обеспечивающей работу в высших классах специальной теории. И, наконец, в последней записке, полученной Михаилом Михайловичем от Чайковского, содержалась просьба принять на службу юного пианиста Максимова, замечательного музыканта, третьего наряду с С.Рахманиновым и М.Пресманом воспитанника прославленного пансиона Н.Зверева.

В письмах к Чайковскому «проясняются» нераскрытые в «Воспоминаниях» Ипполитова-Иванова (опубликованы в 1934 году) причины его отъезда из Грузии. Это связанное с затянувшимся строительством нового помещения прекращение оперных спектаклей; разъезд артистов оркестра, сделавший затруднительным проведение симфонических концертов; вынужденное участие в доходящих до суда конфликтах между членами дирекции Тифлисского отделения ИРМО, --адресат симфоническим отделом газеты «Новое время» критиком М.Ивановым травля в прессе.

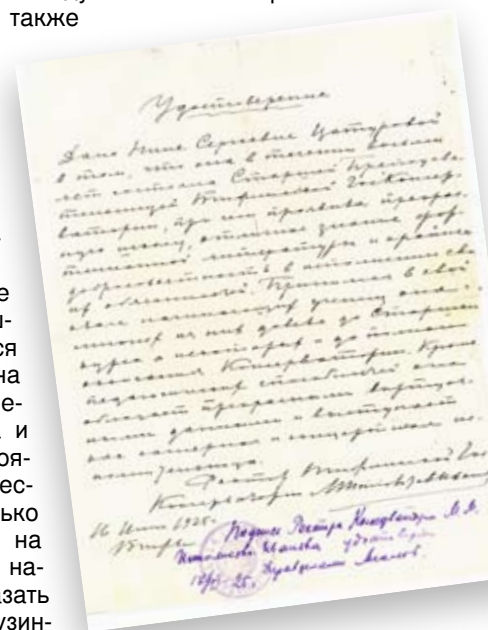
«Если только чем и утешал меня последнее время Тифлис – так только сознанием, что там ты, Исая Егорович (Питоев – М.К.) и Мария Вахтанговна (Джамбакур-Орбелиани, первый председатель Тифлисского отделения ИРМО, --адресат симфонической сюиты Ипполитова-Иванова «Иверия». – М.К.), дело музыкального образования там не погибнет». Так писал Михаил Михайлович из Москвы князю Иосифу Андроникашвили, скрипачу и фотографу, активному члену дирекции ИРМО.

Путь, пройденный Ипполитовым-Ивановым после приглашения его и В.Зарудной на работу в Московскую консерваторию (1893) был поистине блистательным: профессор в оперном, хоровом и оркестровом классах, затем – директор консерватории, дирижер Московской частной русской оперы Мамонтова, симфонических собраний ИРМО и концертов Русского хорового общества, организатор музыкальных курсов. Однако на пороге старости в нем пробужда-

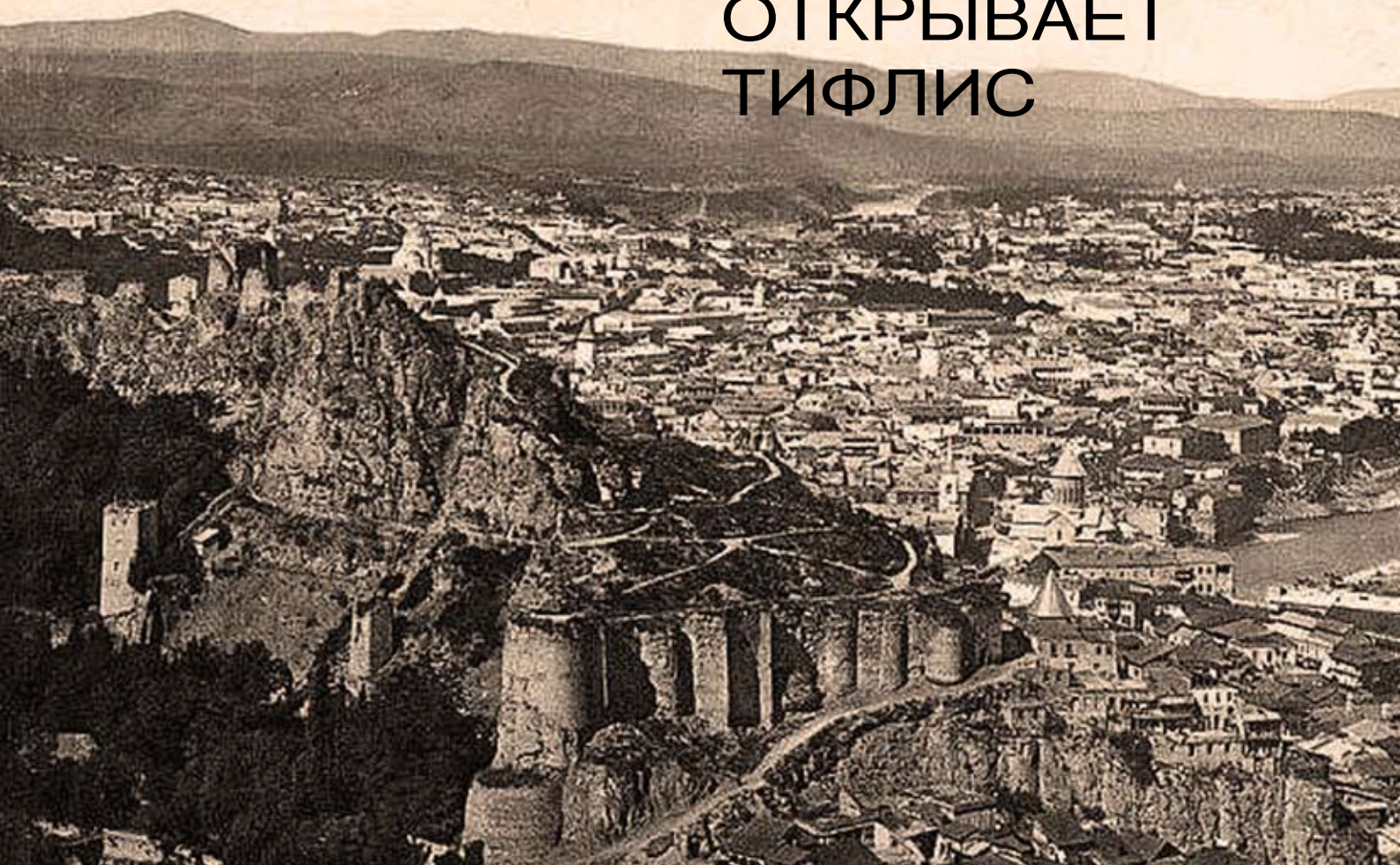
ется ностальгия по тем местам, где начиналась его профессиональное становление. Михаил Михайлович с радостью откликается на приглашение Н.Черепнина, в то время директора консерватории, перебраться в Тифлис, с которым связаны самые светлые воспоминания, «быть поближе к солнцу и теплу». «Люблю Грузию и Тифлис как свою вторую родину, и был бы рад быть им полезным до конца моих дней» - делится он с М.Баланчивадзе после эмиграции Н.Черепнина. В 1924 году вместе с Варварой Михайловной все-таки решается на переезд в Грузию, где его ждет должность ректора консерватории. Еще до этого он из Москвы пишет М.Баланчивадзе: «В письме к Наркомпросу я очень прошу облегчить материальное положение Захария (Палиашвили – М.К.) ... это даст ему возможность как следует заняться творческой работой... Нельзя также оставить без внимания и Д.Аракишвили ... Это бюджет консерватории очень не обременит, а сознание того, что правительство нашло возможным отметить их заслуги, послужит им большим моральным утешением».

Известно, что в свое время Захарий Палиашвили просил находящегося в эмиграции Н.Черепнина посодействовать исполнению музыки «Абесаломы и Этери» в Европе, но обстоятельства помешали осуществить это. Спустя несколько лет Ипполитов-Иванов на уровне правительства настойчиво предлагает показать сценический первенец грузинской оперы за пределами его родины, рекомендуя для этого Большой театр. «Быть может, это и есть тот путь, с которого необходимо начать, чтобы проникнуть в толщу народной массы и таким образом постепенно подготовить ее к восприятию произведений высшего порядка» - напишет он А.Луначарскому.

В заключение, как образец отношения директора к членам педагогического коллектива, а также неизменной доброжелательности, хочется привести характеристику, данную Михаилом Михайловичем одной преподавательнице консерватории. Ее адресат - Нина Цатурова, которая, окончив Московскую консерваторию с золотой медалью по классу профессора К.Игумнова, пожелала вернуться на родину в Тбилиси. Этот документ, как и фотография с дарственной надписью, сохранился в семье дочери Нины Сергеевны - Эльги Артаваздовны Мелик-Парсадановой. Пребывая в течение восьми лет на должности старшего преподавателя, пишет М.М.Ипполитов-Иванов, Нина Сергеевна Цатурова «проявила прекрасную школу, отличные знания фортепианной литературы и крайнюю добросовестность в исполнении своих обязанностей. Приглашая в свой класс начинающих учениц, она многих из них довела до старшего курса, а некоторых - до окончания консерватории. Кроме педагогических способностей, она обладает прекрасными виртуозными данными и выступает как камерная и концертная исполнительница».

АЛЕКСАНДР ДЮМА ОТКРЫВАЕТ ТИФЛИС

150 лет назад великий французский писатель Александр Дюма совершил многомесячное путешествие по Российской империи. Путешествие Александр Дюма начал с Петербурга. В поездке автора «Трех мушкетеров» сопровождал парижский художник Жан-Пьер Муане. В Москве к ним присоединился в качестве переводчика студент Московского университета, которого Дюма именует лишь по фамилии – Калино.

Дюма побывал в Костроме, Нижнем Новгороде, Казани, Саратове, Астрахани, Кизляре, Дербенте и через Баку прибыл в Тифлис. Его заметки, вошедшие в книгу «Кавказ», впервые наиболее обстоятельного познакомили мирового читателя с историей и географией Грузии, бытом и нравами грузин.

ТИФЛИС ДЮМА

Дюма навсегда запечатлел облик замечательно-го Тифлиса. «Когда я ехал в Тифлис, признаюсь, мне представлялось, что я еду в страну полудикую, типа вроде Нухи или Баку, только большего масштаба. Я ошибался. Благодаря французской колонии, состоящей большей частью из парижских швеек и модисток, грузинские дамы могут следовать с опозданием лишь в две недели модам Итальянского Театра и Больших Бульваров.

...В настоящее время в Тифлисе насчитывается от шестидесяти до семидесяти пяти тысяч жителей; улицы его в шестьдесят футов шириной: тут великолепные здания, площади, караван-сарай, базары и, наконец, театр и церковь, которые, благодаря деятельности князя Гагарина, превратились в самые изящные произведения искусства.

...Караван-сарай представляет интересное зрелище. Через все его ворота входят и выходят с верблюдами, лошадьми и осликами представители всех наций Востока: турки, армяне, персияне, арабы, индийцы, китайцы, калмыки, туркмены, татары, черкесы, грузины, мингрельцы, сибиряки и бог знает кто еще! У каждого свой тип, свой костюм, свое оружие, свой характер, своя физиономия и, особенно, свой головной убор – предмет, который менее всего затрагивает изменения моды».

Дюма отмечает, что все торговые представители восточных народов в Тифлисе составляют один класс, одну общину в торговом дворе, за проживание в гостинице они не платят, но хозяева караван-сарая взимают с них по одному проценту со стоимости товаров после их реализации.

К базару сходится сеть торговых улиц, каждая из которых имеет специализацию. «...Я назвал бы их по-разному улицей серебряников, улицей скорняков, ули-

Тифлис. Середина XIX века

Александр Дюма - настоящий кавказец

Тифлиские мушкетеры

цей оружейников, овощников, медников, портных, сапожников, мастеров по изготовлению папах и туфель, - пишет Дюма. - Особенность тифлисской туземной торговли, - так я называю торговлю татарскую, армянскую, персидскую, грузинскую, - заключается в том, что сапожник не шьет башмаков, башмачник не делает туфель, туфельщик не шьет папахи, а мастер папушник производит одни только папуши. Кроме того, сапожник, выделывающий грузинские сапоги, не шьет черкесских. Почти для каждой части одежды каждого народа существует своя промышленность. Таким образом, если вы хотите заказать шашку, сперва достаньте клинок, заказывайте рукоятку и ножны, покупайте для них кожу или сафьян, наконец делайте серебряную оправу для рукоятки; и все это отдельно, все это у разных торговцев, для чего надо ходить из магазина в магазин.

Восток решил великую торговую проблему запрещения посредничества; без сомнения это дешевле, но эта экономия существует только в стране, где время не имеет никакой цены. Американец не дождался бы от нетерпения даже до конца первой недели своего пребывания в Тифлисе.

Внешняя сторона всех лавок открыта, купцы работают на виду у прохожих. Мастера, которые имели бы секреты какого-либо искусства, были бы очень не-

счастливы на Востоке.

Нет ничего любопытнее, чем путешествовать по этим улицам: чужеземцу это не надоедает. Я ходил туда почти ежедневно».

Французский консул барон Фино пригласил Дюма в грузинский театр: «...У нас есть итальянская труппа, играют «Ломбардцев», и вы увидите наш зрительный зал». «Неужели вы сделали провинциалом до такой степени, что говорите наш зал в Тифлисе?..» - сказал Дюма. Он видел театральные залы во Франции, Испании, Италии, Англии, России. «Оставалось только видеть зал и в Тифлисе». Дюма согласился пойти на спектакль, остался не очень довольным исполнением оперы, о театре же написал: «...Без зазрения совести скажу, что зал тифлисского театра - один из самых прелестных залов, какие я когда-либо видел за мою жизнь. Правда, миленькие женщины еще более укра-

шают прекрасный зал, и с этой стороны, как и в отношении архитектуры и других украшений, тифлисскому залу, благодарение богу, желать уже нечего».

Восторженные строки посвятил Дюма тифлисским баням: «...Почему Париж, этот город чувственных наслаждений, не имеет подобных бань? Почему ни один делец не выпишет хотя бы двух банщиков из Тифлиса? Тут, конечно, и польза была бы и барыши».

...На протяжении шести недель, проведенных в Тифлисе, я ходил в персидскую баню каждый третий день».

НАРОД БЕЗ НЕДОСТАТКОВ

Дюма: «Грузинский народ любит отдавать то, что другие любят получать».

- Какого вы мнения о грузинах? – спросил я барона Фино, нашего консула в Тифлисе, проживающего среди них уже три года.

- Это народ без недостатков, со всеми добрыми качествами, - отвечал он.

Каково сие похвальное слово в устах француза, порицающего, как это сплошь и рядом бывает, все чужое и предпочитающего себя всем, как и все мы!

Известный своей храбростью один русский по фамилии Шереметьев говорил мне: «Надо видеть их в сражении: когда они слышат звуки своей чертовой зурны, которая не годится даже для кукольного театра, они больше не люди, а титаны, готовые взять приступом небо».

- Их надо видеть за столом, - говорил мне достойный немец, с гордостью вспоминая о том, как он выпивал в полдень в гейдельбергском трактире двенадцать кружек пива; - они проглотят пятнадцать, восемнадцать, двадцать бутылок вина как ни в чем не бывало.

И Фино говорил правду, и русский говорил правду, и немец говорил правду...»

ДЮМА ПЕРЕПИЛ ГРУЗИН

Почти вся редакция журнала «Цискари» явилась в один прекрасный день к Дюма и пригласила его на обед. Писатель дал согласие. Для него накрыли большой стол, за который посадили человек двадцать, специально для гостя позвали двух или трех знаменитых в Тифлисе любителей кутежей. В столовой стоял огромный кувшин с вином, вмещавший на взгляд Дюма 70-100 литров. И его предстояло опорожнить. Дюма пишет: «Грузинский обед такое угощение, где даже ничем не выделяющиеся любители выпить опустошают пять или шесть бутылок вина, а иногда и по двенадцать или пятнадцать на каждого... Перепить своего соседа составляет в Грузии славу».

«...Сколько опустошил бутылок я сам на фоне гамм музыканта и завываний поэта, этого я не могу сказать, но думается, что цифра была почтенная, ибо по окончании обеда возник вопрос о выдаче мне свидетельства, подтверждающего мои способности – не духовные, а физические. Предложение было принято: взяли листок бумаги, и каждый выразил на нем свое

мнение, скрепив его своей подписью. Хозяин дома первый написал: «Г-н Александр Дюма посетил нашу скромную редакцию, где на данном в его честь обеде выпил вина больше, чем грузины. 1858, 28 ноября (старого стиля). Иван Кереселидзе. Редактор грузинского журнала «Цискари». Далее взял перо князь Николай Чавчавадзе: «Я присутствовал и свидетельствую, что г-н Дюма пил больше вина, нежели грузины». Французский писатель сие признание принял всерьез, не ощутив юмористического оттенка происходящего».

Дюма отмечает в книге «Кавказ», что в Грузии «выделяются вина, не уступающие кизлярскому и могущие соперничать с французским, если бы только жители умели настаивать их как следует и особенно сохранять. Вино держится в козьих или буйволиных бурдюках, которые дают ему вкус, как говорят, очень ценимый знатоками, но который я нахожу отвратительным. Вино же, не вливаемое в бурдюки, сохраняется в огромных кувшинах, зарываемых в землю, вроде в подражание арабам, которые держат пшеницу в ямах. Рассказывают, что под ногами одного русского драгуна провалилась земля, и он упал в кувшин, где и утонул, как Кларенс в бочке мальвазии». (Кларенс, младший брат английского короля Эдуарда IV был приговорен к смертной казни и король предложил брату самому выбрать род смерти: виселицу, гильотину, расстрел... И Кларенс попросил утопить себя в бочке со сладким итальянским вином – мальвазией).

Мпхета

«...ВИНИТЕ ГРУЗИНСКУЮ БУМАГУ»

Дюма ходил в баню, ежедневно появлялся в караван-сараях, бродил по окрестностям, пил грузинское вино, порой в течение дня приходилось бывать на трех-четырёх застольях, но автор «Трёх мушкетеров» не забывал, что он писатель и каждодневно работал, перевел на французский стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, в Тифлисе он создал две новеллы. Дюма пишет: «Я искал в Тифлисе мою любимую бумагу, но не нашел. И если вам не понравятся новеллы, это не моя вина. Грузины счастливее, чем я, им не нужна бумага, чтобы сказать прекрасные слова. Я не нашел мою бумагу, и эта бумага - болезненная бумага. И если что-то не то, то вините грузинскую бумагу, а не фран-

цузского писателя». «Милый Тифлис! - напишет Дюма, прощаясь с Тифлисом. - Я мысленно послал ему сердечное прощание – мне так хорошо в нем работалось!»

ПРЕКРАСНЫЕ МИНГРЕЛКИ

Автор «Трех мушкетеров» восхищается женщинами из Западной Грузии: «Женщины всей древней Колхиды прекрасны, - мы хотели сказать: прекраснее грузинок, но тут вовремя вспомнили, что Мингрелия, Имеретия и Гурия всегда были частью Грузии... Мингрельские женщины – особенно блондинки с черными глазами и брюнетки с голубыми – самые прекрасные творения на земном шаре».

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ

Французский писатель одним из героев своего очерка о путешествии в Грузию сделал грузинский... нос. Так, Дюма пишет: «...Кроме перечисленных качеств, грузины имеют еще одно, о котором мы еще не говорили, а теперь – вовсе не в обиду им – скажем. Они имеют носы, каких нет ни в какой стране света. Марлинский написал нечто вроде оды грузинским носам. Мы приведем ее здесь, так как не надеемся изложить этот предмет лучше его. «И если вы хотите полюбоваться на носы, во всей силе их растительности, в полном цвете их красоты, возьмите скорей подорожную с чином коллежского ассесора и поезжайте в Грузию. Но я предсказываю тяжкий удар вашему самолюбию, если вы из Европы, из страны выродившихся людей, задумаете привезти в Грузию нос на славу, на диковину... На первой площадке вы убедитесь уж, что все римские и немецкие носы, при встрече с грузинскими, закопаются от стыда в землю. И что там за носы! Осанистые, высокие, колесом...».

Историю, связанную с грузинским носом, записал еще в 1815 году в своем дневнике Александр Пушкин. Денис Давыдов является к графу Леонтию Бенигсену и говорит: «Князь Багратион прислал меня доложить вашему высокопревосходительству, что неприятель у нас на носу...». «На каком носу, Денис Васильевич? — отвечает генерал. — Ежели на Вашем, так он уже близко, если же на носу князя Багратиона, то мы успеем еще отобедать...».

МИНГРЕЛЬСКИЕ ГРЯЗИ

«...Мы еще не знали сурамских снегов и мингрельской грязи. И на свою погибель мы отравились познаться с ними». Дюма в мрачных тонах расписал Поти, куда некогда причалили аргонавты. «Не знаю, каково было Марсово поле во времена Язона, но теперь это – болото, скопление колышущейся грязи, в которой рискуешь навсегда исчезнуть, если на полча-са остановишься на одном месте».

Дюма вдовсю иронизирует над неухоженностью и неблагоустроенностью Поти. «Послышался барабанный бой. Какой-то бедняк, выкрикивая объявления, останавливался, не скажу, чтоб на каждом перекрестке, - в Поти нет ни одного, не скажу также – у каждого угла улицы, улиц тоже нет, останавливался перед каждым домом, - домов было с пятнадцать, - а потому обход был непродолжителен; бил дробь и читал объявления, которое жители дома, привлеченные барабанным боем, выслушивали весьма равнодушно... Пока он шел по грязи, не останавливаясь – еще ничего... Стоило же глашатаю остановиться, как малопомалу он погружался в грязь, в которой совершенно бы утонул, если б не мешал тому барабан, его ударивавший».

ДОРОГИЕ ЦЕНЫ

Дюма дает в книге представления о расходах, ценах, тратах, возможно, сообщает об этом будущим путешественникам. Сам же Дюма человек совершенно равнодушный к деньгам и легко их тратящий. Дюма обращает внимание на дороговизну товаров и высокую стоимость услуг в сфере обслуживания. Французский путешественник отмечает, что шляпа в Тифлисе стоит в четыре раза дороже, чем в Париже, грузинский же парикмахер берет с клиента в шесть раз больше, чем французский, при этом он не умеет стричь. Когда Дюма посмотрел в зеркало, то вскричал от ужаса: «Волосы мои были острижены в виде щетки, но не той щетки, которой чистят платье, а той, которой натирают пол! Я кликнул Муане и Калино, чтобы они насладились моей внешностью в новом ее воплощении. Взглянув на меня, они расхохотались. «Вот это находка, - сказал Муане, - если у нас не хватит денег, то мы станем показывать вас в Константинополе как тюленя, пойманного в Каспийском море».

«МУСЬЕ ДЮМА»

Находясь в Поти в ожидании парохода во Францию, Дюма познакомился с неким Василием из Гори. Подружился с ним и предложил ему поехать во Францию. Василий вскричал от радости. Они поднялись на борт корабля, но не успели тронуться, как к пароходу пристал баркас с солдатами под командой офицера, который снял Василия с корабля за то, что он ехал за границу без паспорта. «На бедного Василия донес его же приятель, позавидовавший его удаче».

Дюма снабдил Василия запиской к полковнику Романову, которая должна была обеспечить ему паспорт. Потом автор «Трех мушкетеров» передал Василию документ следующего содержания: «Рекомендую грузина Василия, поступившего ко мне в услужение в Поти и вынужденного остаться из-за отсутствия паспорта, всем, к кому он будет обращаться, и особенно господам командирам французских пароходов и секретарям консульств. Что касается издержек в этом случае, то можно переводить вексель на мое имя, а я проживаю в Париже, на Амстердамской улице, дом №77. Поти. 1(13) февраля. Александр Дюма».

Когда Дюма вернулся из Грузии, он сошел в порту с корабля в грузинской национальной одежде – в папахе, чохе и с саблей. Дюма в «Кавказе» рассказывает, как ему в Грузии очень приглянулись брюки-шаровары одного грузинского князя, и он попросил показать. Грузинский князь тут же снял шаровары, подарил Дюма и говорит: «Пожалуйста, вот вам подарок». Оторопел Дюма: «Как так?» «Не смущайтесь, месье Дюма, моя жена только вчера сшила мне, я первый раз надел эти брюки». Он сел на коня и ускакал. У него была одежда длинная, и голые ноги не были видны. А шаровары Дюма взял с собой в Париж.

...В одно прекрасное утро Дюма пробудился в шесть часов утра по милости своей кухарки, которая ворвалась к нему в испуге: «Месье, - прошептала она, - внизу стоит какой-то человек: он не говорит ни на каком языке, бормочет только «Мусье Дюма» и настаивает, чтобы его впустили». Дюма сбежал по лестнице, каким-то подсознательным чутьем угадав, что это, наверняка, должно быть, Василий. И не ошибся. «Этот молодец прибыл-таки из Кутаиса в Париж, двадцать семь дней пролежал в лихорадке в Константинополе и издержал в дороге шестьдесят один франк и пятьдесят сантимов – и все это, не зная ни слова по-французски». Дошел только двумя словами: «Мусье Дюма».

ВОЗВРАЩЕНИЕ «ЛАУРЕНСИИ»

Давид Хозашвили

Вахтанг Чабукиани и Вера Цигнадзе

Лали Канделаки

В детстве он любил смотреть на ночное небо. Вахтанг Чабукиани много раз рассказывал о том, что был уверен – на небосводе есть и его звезда.. Детская мечта стала реальностью. Великому артисту рукоплескал весь мир. И его слава живет и поныне.

Две звезды в галактике увековечили имена звезд хореографического искусства – Вахтанга Чабукиани и Веры Цигнадзе.

Инициатором этого события стала прима-балерина Нина Ананиашвили. Торжественный ритуал состоялся в день премьеры новой сценической редакции балета «Лауренсия». И каждый раз перед спектаклем на фасаде Тбилисского театра оперы и балета им. З. Палиашвили появляется исторический снимок: застывшая красота и неповторимая гармония легендарных исполнителей балета «Лауренсия».

«Это наш родной спектакль. И его возрождение нельзя не приветствовать. Сам факт новой постановки заслуживает только слова благодарности», – таково мнение многих. Отрадно и то, что новое поколение зрителей знакомятся с одним из этапных спектаклей балетной классики.

Не будем сопоставлять постановку балета «Лауренсия» в новой сценической редакции балетмейстера Нукри Магалашвили с авторским балетом Вахтанга Чабукиани.

Нынешнюю редакцию отличает в большой степени технология, нежели откровение. Но это уже характеризует особенности современного балетного искусства. Как отмечают театральные критики – это знак времени. Но споры и неизбежные параллели продолжают волновать балетоманов. Им трудно отречься от прежних кумиров.

Я и сегодня помню, как очаровательная Верочка выезжала на сцену на ослике. Сколько грации было в каждом ее движении. А танец с кастаньетами Марии Бауэр – сплошной восторг!

Чабукиани создавал партию Фрондо со с учетом своих неограниченных возможностей. И остался ее непревзойденным исполнителем. Чабукиани никогда не был в Испании, но он был творцом.

Интуиция истинного художника вела его по правильному пути, и он сотворил на сцене подлинную Испанию.

Он был неистощим в композиции сценического рисунка каждого танца. Спектакль был броский, насквозь танцевальный. Большинство композиций строились на характерных движениях испанских народных танцев, с широким использованием классических канонов. А звуки испанских кастаньет рефреном проходили через весь спектакль. Разве можно забыть танец

фламенко в исполнении Тамары Чабукиани? Бурные всплески эротических чувств в нем сочетались с яркой эстетической формой. А сколько эмоциональных оттенков было в образе Менго Мансура Камалетдинова. Предельно трогательна была хрупкая Хасинта Ирины Алексидзе

«Чародей танца» – так назвал Вахтанга Чабукиани незабвенный Котэ Махарадзе в документальном телевизионном фильме, который мне довелось создать с ним еще при жизни маэстро в 1970 году. Фильм снимал ведущий оператор грузинского телевидения Игорь Нагорный.

Монолог Вахтанга Михайловича со своим героем из «Лауренсии» я храню как дорогую реликвию. «Фрондосо! Я рад о тебе вспомнить. Ведь мы встретились с тобой много лет назад. И с тех пор ты стал частью моей души. Ты жил и менялся вместе со мной».

Балет «Лауренсия» в эмоциональном и драматическом решении сложный. Он имеет огромный потенциал для импровизации и актерского самовыражения. Поставленный в марте 1939 года на сцене Ленинградского театра и балета им. Кирова (ныне исполняется 70 лет со дня первой постановки), спектакль вошел в золотой фонд хореографического искусства. Первой исполнительницей Лауренсии была выдающаяся классическая балерина Наталья Дудинская. В 1956 году Чабукиани поставил балет в Москве, где танцевал с Майей Плисецкой. В партии Паскуалы блистала Раиса Стручкова.

Эстафету сценического мастерства по этапам принимали наши солистки балета, исполнительницы партии Лауренсии – Лилиана Митайшвили, Ирина Джандиери, Марина Алексидзе, Светлана Гочиташвили, Русудан Абашидзе.

Отрадно, что «Лауренсия» имеет продолжение и сегодня. Тепло принимает благодарный тбилисский зритель новых исполнителей ведущих партий. Как всегда, запоминающийся образ создал солист балета Давид Хозашвили. Партию Фрондосо он ведет с большим подъемом и артистическим азартом. Обаянием молодости наделен образ Фрондосо и младшего Хозашвили – Лаши, так стремительно завоевавшим признание зрителей. Ведущая балерина Лали Канделаки еще раз доказала, что ее технические возможности не имеют предела. В партии Лауренсии она проявила себя актрисой героического плана. Впечатляет последний монолог, где артистка находит яркую образную интонацию.

Ширится диапазон исполнительницы партии Паскуалы – Мариам Алексидзе. Приятно отметить, что в полную силу проявляет себя творчески выросший за последние годы женский кордебалет.

Под занавес каждый раз восторг зрителей вызывает появление уникальных кинокадров с участием Вахтанга Чабукиани и Веры Цигнадзе. Грезы наяву... Фрондосо-Чабукиани оживает в танце с неподражаемой свободой. Его вихревые вращения не знают себе равных, ослепляют виртуозной техникой. Каждое движение, каждая поза полны внутренней значимости. А экспрессия чувств призывает к сопереживанию. Это пластическая речь, диалог со зрителем. Магия театра торжествует...

«Я приветствую возвращение «Лауренсии», – говорит народный артист СССР Михаил Лавровский – Это особенно волнует сегодня, когда приближается знаменательная дата – 100-летие со дня рождения великого Вахтанга Чабукиани».

Нелли УЗНАДЗЕ

Фрондосо - Вахтанг Чабукиани

ВСЕ ИЛИ НИЧЕГО

Впервые увидев и услышав Инну Воробьеву на сцене театра имени А. Грибоедова десять лет назад, я сразу отметила ее хорошую русскую речь, приятный тембр голоса, запоминающуюся внешность и очевидные актерские способности. Сразу стало понятно: она займет в труппе достойное место, будет активно занята в репертуаре, ведь театр приобрел перспективную актрису. Так, в общем-то, и случилось...

Ее коронная роль на сегодняшний день – Кроткая в одноименном спектакле по фантастическому рассказу Достоевского, который с успехом идет на сцене театра имени Грибоедова уже несколько лет. С годами актриса словно сроднилась со своей странной героиней, срослась с ее причудливой природой, болезненной нервной организацией... И зрители с напряженным вниманием наблюдают за ее говорящей мимикой, пластикой, молчаливым бунтом против диктата мужа, холодной войной двух индивидуальностей.

Вспоминается другая «кроткая» актрисы – юная Людочка в нашумевшем спектакле «Рашен блюз», ставшая жертвой жестокого, безжалостного мира. Инна создает образ невинного, изначально обреченного существа, не способного противостоять злу...

Трудно представить, что именно Воробьева выступает сегодня в роли эксцентричной поэтессы Кейсуэлл в спектакле «Английский детектив» - здесь доминируют игровое начало, актерский азарт, ироническое отношение к своему столь экстравагантному персонажу – роковой даме в черном, пишущей мрачные стихи на тему смерти...

И тут же смешная, обаятельная, жизнерадостная Редиска из «Чиполлино»... И это все она – Инна Воробьева!

Актриса играет сегодня, на мой взгляд, меньше, чем могла бы. Почему, непонятно – неисповедимы актерские пути. Хотя очевиден потенциал Инны, ее значительные творческие возможности.

Наша беседа начинается с одной из лучших работ Воробьевой – Кроткой.

- Как ты относишься к своей героине? Похожа ты на нее?

- Вот тут-то и реализован психологический план

– за эту возможность я благодарна Автандилу Варсимашвили, доверившему мне такую интересную роль. В ней больше зон молчания. Основная нагрузка на партнере Валерии Харютченко, который, кстати, очень помог мне в работе. Ведь в зоне молчания тоже нужно активно существовать. Как относиться к своей героине? Я более оптимистична, больше верю в доброту людей и надеюсь на лучшее.

Спектакль «Кроткая» как книга, которую можно читать бесконечно. Откладываешь на какое-то время, потом снова перечитываешь, находя каждый раз что-то новое, удивляешься писателю и самому себе. Думаешь: «Попробую-ка я снова отложить «Кроткую» на время!»... И опять открываются новые пласты. Спектакль идет недолго – час с небольшим,

Инна Воробьева в «Кроткой»

делался в короткие сроки, но ставился он с большой любовью, нежностью, теплотой. С годами он изменился, стал ближе, роднее. И взрослее – как ребенок, с которым ты нашел общий язык, который тебе понятен. Внутри спектакля удобно находиться. А бывают спектакли, в которых испытываешь дискомфорт, где пытаешься быть отстраненным, потому что партнерство мешает... Это происходит тогда, когда ты не видишь партнера, когда на сцену выходят внутренне оболоченные актеры, они исполняют свои роли как на бенефисе. «Кроткая» - спектакль другой, он основан на тесном взаимодействии, глубинном партнерстве... Интересно его внутреннее движение – напряжение поднимается, как мощная волна. Это материал, который тебя всасывает: втягивает особая атмосфера, все так зыбко – эти газеты на сцене, висящие зонтики. И Достоевский – с нами. Спросите об этом моего партнера Валерия Харютченко...

- Хотелось бы тебе встретиться с Достоевским еще раз?

- Конечно... А еще мечтаю о «Макбете» Шекспира. Ни разу не соприкасалась с этим драматургом. Это моя большая мечта.

- *Масштаб страстей привлекает?*

- Скорее всего, психология, жизненные, семейные ситуации. На самом деле, в каждой обыкновенной современной семье есть своя драма или трагедия. Как в «Гамлете».

- *Одна из твоих замечательных работ – Любочка из инсценировки по Виктору Астафьеву в спектакле «Рашен блюз». Тут тоже трагедия – трагедия брошенного, никому не нужного человека, оставшегося один на один со своей бедой.*

- Для меня Астафьев - писатель тяжелый, слишком драматичный, жестокий, но правдивый. В России действительно такая жизнь! Это – суровая правда... Мне тяжело работалось – все-таки возрастная роль: Любочка - совсем еще ребенок, семнадцать лет! Недалекая, слишком наивная, доверчивая... В ней очень сильно чисто женское, земное начало, Любочка мечтает о замужестве... Но я не люблю обреченности. Не люблю людей, которые поддаются обреченности, говорят: «Это не мое время! Работы нет...» И тому подобное ... Просто лень-матушка! Хотя мне хотелось окунуться в материал астафьевской прозы, потому что это было ново для меня. Плохо, когда что-то повторяется. Но мне не попадалась еще роль, где можно было повторить то, что я уже играла. Не дай Бог! Если такое случится, я буду ломать себя настолько, чтобы это было неузнаваемо. Мне сказали как-то: «У тебя в каждой роли свой, особенный смех! Вот когда у тебя смех повторится, ты должна уйти из театра!» Шутка, конечно, но с подтекстом.

- *А какой смех у Любочки?*

- Звонкий как колокольчик... Она ведь человек, от природы оторвавшийся.

- *Должен ли актер быть пробивным, настырным, напоминать режиссерам о себе или нужно ждать, пока о тебе вспомнят и что-то сами предложат?*

- Скорее у мужчин должно быть такое качество. Но как быть пробивной актрисе? У меня есть роли. Я в этом театре десять лет и сделала за это время так много, что можно позавидовать. По-моему, нужно завести специальную книгу, в которой зрители могли бы высказывать свои мнения о спектаклях, актерах. А я навязываться не люблю.

- *О какой своей роли ты вспоминаешь с особенно теплым чувством?*

- Обо всех, честно говоря. Большую, интересную роль я сыграла в «Мистификаторе», с Никушей Гомелаури, Володей Левицик, Стасом Красицик. Сегодня многие вспоминают этот спектакль в постановке Давида Мгебришвили как один из лучших.

- *Как относишься к конкуренции, которая в театре неизбежна?*

- Очень хорошо. Благодаря этой конкуренции актеры растут.

- *Но кому-то это может и мешать...*

- Если ты не растешь, тогда ты родился плохим актером.

- *А может, нужен просто характер?*

- Характер, настырность не заменит таланта. Ну, добьешься ты роли, и что дальше? Придет зритель, посмотрит, повернется и уйдет. Публика предпочитает профессионалов, грамотные постановки. Есть спектакли, на которые ходят постоянно. А есть такие, которые посмотрят один-два раза, и все, зал пустует!

- *Ты трудоголик?*

- Я люблю работать, устаю, когда сижу дома и ничего не делаю. Когда ничего не делаю в театре. Хочу работать и в театре, и в кино. Хочу заниматься озвучиванием, дубляжем, хочу петь, танцевать, читать стихи. Я

все хочу! Дайте мне работу, и я буду трудиться с утра до ночи, круглые сутки! Посплю два-три часа – мне этого будет достаточно, чтобы восстановить силы...

- *Ты режиссер своих ролей?*

- Потом, после первого-второго спектакля. Когда уже найдены форма, решение пластическое, психофизическое, есть образ, когда сложились мизансцены... Ходишь, как канатоходец по канату – аккуратно выполняешь свои трюки. Вот тогда ты режиссер своей роли. Импровизация никому не мешает.

- *На какой по счету спектакль ты приглашаешь знакомых, друзей, родных?*

- Только на пятый-шестой. И мой зритель должен сидеть подальше от сцены... Интересно наблюдать за молодыми ребятами в зале. Они отключают мобильные телефоны, садятся в первом ряду и подсказывают друг другу следующие реплики моей Кейсуэлл, реплики партнеров. Они уже все знают, потому что не первый раз смотрят «Английский детектив»... И я счастлива от этого, в душе такой подъем! Приятно, что такая молодежь приходит в театр. Значит, наша миссия выполняется – появились юные театралы, оторвавшиеся от телевизора и компьютера. Значит, театр жив!

- *Десять лет назад ты вошла в репертуар театра в образе Берточки из «Ямы» Куприна, в роли Кити из «Анны Карениной» Толстого. Трудно дались вводы в уже готовые спектакли?*

- Это всего лишь выходы. Актеры всегда переживают, когда происходит ввод. Но мне помогали партнеры. Мне посчастливилось сразу встретиться на сцене с Натальей Бурмистровой, Валентиной Воиновой. Так что это не были для меня тяжелые вводы.

- *Как относишься к Кити?*

- Она мне близка и понятна. Любишь кого-то, считаешь идеалом, уверена, что скоро будешь с любимым навеки, и вдруг рушится весь мир. При этом не замечаешь до поры до времени человека, который рядом, который действительно любит тебя... Увы, я сыграла Кити всего несколько раз. Спустила какое-то время, уже после прихода Автандила Варсимашвили, меня ввели на очень интересную роль Актрисы в «Страсти по Гольдони», но этот потрясающий спектакль вскоре почему-то закрыли. Вот недавно был срочный ввод – я сыграла Корову в спектакле «Хранители нашего очага» вместо заболевшей актрисы. Моя героиня все время на сцене, но текст не сложный. Справилась... хоть это и стоило нервов.

- *Ты быстро мобилизуешься?*

- Да. Надо отбросить все и полностью окунуться в материал. Только сегодня, сейчас! Загрузить в себя, свое сознание определенную информацию, движения, текст. А выходя на сцену, нужно думать только о роли и трансформировать свою психофизику. Это, конечно, большой стресс. А как без этого? Стресс необходим для того, чтобы расти. Алла Демидова недавно сказала: «Актерами рождаются. Нельзя научить этой профессии. Даже плохой актер рождается таковым. А в театре нужны и гениальные, и хорошие, и средние, и плохие актеры. Это и есть театр». Это как карма, судьба.

- *Везение в актерской профессии значит много?*

- Скорее, это судьба. Вот я три раза пыталась уйти из профессии, но неизменно возвращалась, и очень успешно. Потом, как правило, шел подъем... Каждый раз это было нечто мистическое. Когда я приехала в Тбилиси, то просто пришла в этот театр, нашла актрису Ирину Саришвили, она взяла меня за руку и завела к Гоги Кавтарадзе, тогдашнему худруку. А он сказал:

«Ты же стишки не будешь читать? Я тебя возьму в спектакль, и если будет все нормально, через месяц приму тебя в театр». А потом пришел Авто Варсимашвили, и я сыграла у него целый ряд ролей... Люблю и сказки. Вот сыграла Фрейлину в спектакле Андро Енукидзе «Принцесса и свинопас»... Многогранная, во всех отношениях интересная роль. Я любила свою Фрейлину, буквально купалась в этом материале. Очень скучаю по мюзиклам, где можно танцевать, петь, даже вживую! Вспоминается один момент, связанный с «Принцессой и свинопасом». Мы были с этим спектаклем в Турции, на фестивале... Там зародилась традиция: после каждого спектакля устраивать маленький банкет для участников фестиваля, хозяев. Мы сделали небольшой столик, среди гостей был известный турецкий драматург Тунджер Джюжденоглу. На ломаном английском он признался мне в своей симпатии и сказал о своем желании видеть меня в спектакле по его пьесе на двоих «Матрешка». «Вы бы это сделали великолепно, - сказал он. - И я бы хотел для вас написать пьесу!». Актеры из молдавского театра тоже признавались в любви, причем прямо на улице... Подошли коллеги из Армении и сказали, что помнят нашу «Кроткую», показанную на ереванском фестива-

«Жизнь прекрасна»

«Английский детектив»

ле «High fest». «Вы так здорово сыграли!» - говорили они нам. Это и есть высшая награда актера – когда твой труд оценен зрителями, коллегами, профессионалами... Я, конечно, была счастлива! Жаль, что у нас сейчас нет поездов – на фестивали, гастроли. От них именно это и остается – встречи, впечатления, когда

коллеги подходят, говорят добрые слова – например, актеры из театра, на сцене которого идет спектакль с твоим участием. Вспоминаю, как на банкете в Санкт-Петербурге, где мы показывали «Рашен блюз», какой-то юноша-актер из Прибалтики подошел ко мне и подарил моей Людочке огромную красную розу, поблагодарил за творчество.

- Актеры остро нуждаются во внимании, добром слове...

- Актеры остро чувствуют любую боль – дети, дети! Знаменитая Маргарита Эскина это понимала, говорила, что любит всех актеров, что их нужно баловать, лелеять, их надо прощать. Потому что они такие беззащитные. Нам бы такую Эскину, а то иногда ощущаешь себя брошенным. Обидно, что Грибоедовский театр живет обособленно от других театров страны, от культурного процесса в Грузии. Это и, правда, очень обидно. Нас никуда не приглашают... Дело вовсе не в языке, но нас как бы нет. А на самом деле Грибоедовский – один из старейших театров на постсоветском пространстве. Грузия должна гордиться, что мы живы, несмотря ни на что, что к нам ходит зритель. Я люблю этот город, эту страну, самую театральную, наверное, на постсоветском пространстве. Здесь всегда работали самые лучшие режиссеры, актеры! И не важно, что нас разделили...

- Как складывались отношения с режиссерами?

- Замечательно. По жизни никогда ни с кем не конфликтовала, мне повезло с режиссерами – Авто Варсимашвили, Андро Енукидзе, Давидом Мгебришвили, Гией Тодадзе... Всегда понимала, чего они хотят от меня на сцене. Не могу сказать, что я такая идеальная. Бывают замечания. Но в конце концов понимаешь, что режиссер всегда прав.

- Ты максималистка?

- Если мне чего-то очень хочется – сделаю. Да, я максималистка по жизни. Я всегда хотела всего или ничего, как говорит моя Кроткая. Вот захотела съесть мороженое – однажды позволю себе это сделать. А потом целый год не ем сладкого, предпочитаю все вареное на пару, овощные салатики, и от такой пищи получаю настоящее удовольствие. И это вовсе не самоограничение... Просто нет потребности в другом.

- А на компромиссы часто идешь?

- Я максималистка, но вся моя жизнь на компромиссах построена. Хотя это не причиняет мне страданий. Это причиняет страдания тем людям, которые, может быть, хотели пойти на конфликт, но у них не получилось. Я не люблю конфликтов, а если он возникает, стараюсь сразу понизить тон, говорить спокойно. Взбудораженного человека это обычно ошарашивает, и он останавливается. Мой принцип – уступи. Все свое время. Необходимое – то, что тебе нужно, - придет само собой.

- Можешь заплакать от увиденного на экране, на сцене?

- Могу, когда не врут. Важно, если это профессиональная работа, интересный, не надуманный образ, когда смотришь и веришь. Можно даже смотреть детскую сказку и наслаждаться, смеяться как ребенок. Несколько лет назад я серьезно заболела гриппом. Не могла ночью спать и взяла в руки «Тома Сойера». Не забуду этого ощущения удивления и радости, которое я испытала. Я от души смеялась, читая ночью эту замечательную книгу, окунувшись в детство. Это такой подъем, такое непередаваемое счастье! Больше бы таких мгновений!

Инна БЕЗИРГАНОВА

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ТОСТ ПЕРОМ

Можно быть почетным академиком Национальной грузинской академии, автором двадцати книг, маститым журналистом, и при этом оставаться убежденным романтиком, петь для себя и для друзей хорошие, добрые песни и получать от этого истинное удовольствие. Именно таков известный журналист и издатель Васико Мchedlishvili. Презентация его первого музыкального диска «Ностальгический тост» с пометкой «только для застольного прослушивания» собрала за традиционным тбилисским столом друзей и почитателей его таланта.

Диск, в который вошли всеми любимые «Лурджа цхенеби», «Цветочница Анюта», «Гори, гори, моя звезда» и другие песни, вышел при поддержке Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб». Среди множества добрых и теплых слов в адрес виновника торжества не раз было отмечено главное – то, что он сочетает в себе два таланта – репортерский и исполнительский.

Сам батони Васико не любит рассказывать о себе. «Обо мне больше скажут мои статьи и мои песни», – говорит он. За плечами у Васико Мchedlishvili полувековой опыт в журналистике. И начинал он так, что можно только позавидовать. Чего стоит хотя бы стажировка начинающего журналиста в редакции газеты «Известия», где на одной полосе помещались четыре авторские подписи: Мэлор Стура, Татьяна Тэсс, Анатолий Аграновский, Васико Мchedlishvili.

Уже после практики 15 лет проработал в Москве собственным корреспондентом газеты «Тбилиси» и грузинского радио и телевидения. В разное время редактировал такие издания, как «Новинки экрана», «Кинематография Грузии», «Самшобло» («Родина»), журнал «Дроша» («Знамя»), «Новые фильмы». Был учредителем, главным редактором и издателем элитарных клубных иллюстрированных журналов – «Картвелеби» («Грузины») и «Тетри хиди» («Белый мост»).

Творческий актив журналиста включает в себя больше тысячи самых ярких личностей эпохи – писателей, журналистов, художников, музыкантов, актеров, режиссеров, спортсменов, государственных деятелей, военачальников, бизнесменов, и даже капитанов дальнего плавания...

Среди них: Михаил Шолохов, Леонид Леонов, Виктор Шкловский, Нона Гаприндашвили, Михаил Таль, Аркадий Райкин, Нино Ананиашвили, Зураб Церетели, Александр Метревели, Торнике Копалеишвили, Арчил Гомиашвили, Григорий Чухрай, Резо Габриадзе, Чабуа Амирэджиби, Гоги Цабадзе, Алексей Аджубей, Михаил Месхи, Давид Кипиани, Борис Покровский ... Согласитесь, завидный список для любого журналиста – опытного и не очень.

Сотрудничество с «Известиями», переросшее в крепкую дружбу, вернуло батони Васико в Москву 30 лет спустя, когда он в 1993 году возглавил Международное общество «Друзья Пиросмани». Благодаря титаническим усилиям в самое тяжелое для всего постсоветского пространства время энтузиастам из Грузии

Н.Свентицкий, Т.Джаиани, В.Мchedlishvili, Г.Джаиани на презентации

удалось устроить Дни Пиросмани в Москве, в программу которых вошли поистине уникальные мероприятия. Иннокентий Смоктуновский читал новеллу К.Паустовского «Простая клеенка», три дня выступал фольклорный ансамбль «Алило» под управлением Теймураза Кевхишвили, Отар Мегвинетухуцеси играл в моноспектакле «Пиросмани» по пьесе В.Коростылева, была устроена выставка работ современных грузинских художников. Дни Пиросмани в Москве вызвали большой резонанс. Вот что писали ведущие московские газеты:

«Дни Пиросмани состоялись несмотря ни на что.

...Несмотря на нелетную погоду и отсутствие горячего, когда самолеты в Тбилиси задерживались на сутки-двое, а потом объединялись рейсы – и пассажиры во время полета стояли в проходах, как в автобусе... На снежные завалы в Мирзаани, на родине Нико Пиросмани, помешавшие доставить экспонаты из дома-музея художника ... На проволоочки и бесчисленные придирки тбилисской, а потом московской таможни при оформлении грузов (театральных декораций и произведений современных художников), ровно неделю стояли во Внуково ящики с картинами ...»

...«Именно Нико Пиросмани в то трудное время стал той тонкой, но верной нитью, которая, зазвенев струной, напомнила нам о прочной духовной связи наших народов» ...

В эти дни и после Васико Мchedlishvili непрестанно говорил и говорит: «Что бы ни происходило сегодня в Грузии, ценности духовные и душевные тысячами невидимых нитей продолжают связывать наши страны и народы, Москву и Тбилиси, русскую степь и горный Кавказ».

И непременно произносит свой главный и любимый тост: «Так пусть добро и справедливость правят миром! Ради этого можно претерпеть все невзгоды».

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

На приеме у Патриарха. В центре - Анна Аглатова

«ГОЛОС – МОЕ БУДУЩЕЕ»

Певица Анна Аглатова – самая молодая солистка Большого театра России. Она выросла в Кисловодске, единственная дочь в музыкальной семье. С детства занималась музыкой, пела. Но отец считал, что вокал не сможет обеспечить безбедного существования, и Аня пошла учиться на бухгалтера. А скоро мама повезла 17-летнюю дочь в Москву...

Сегодня она – восходящая звезда. Солнечный талант, прекрасная сценическая внешность поруча тому, что очень скоро имя Анны Аглатовой займет достойное место в ряду признанных оперных примадонн.

– В Грузию вы приехали для участия в конференции «Вера и знание в основе мировой культуры». Что для вас значит вера?

– Я верующий человек. Вера для меня не богобоязненность, а боголюбие. Ведь главное в жизни любовь, а не страх.

– С каким настроением вы ехали в Грузию?

– Искусство должно быть несущим мир. Я ехала чтобы сказать, что мы любим Грузию, как и прежде, до августовских событий.

– Старшее поколение деятелей культуры Грузии и России связывали доверительные, дружественные отношения. У вас есть приятели среди грузинских артистов, ваших сверстников?

– Общения нет не потому, что мы этого не хотим, а потому, что это сопряжено с целым рядом сложностей. Вспомните те же визы...

– Судя по тому, что в столь напряженное время вы приехали в Грузию, надо думать вас волнует состояние русско-грузинских отношений?

– Волнует – это мягко сказано. Мы ратуем за то, все стало, как прежде, чтобы мы могли обмениваться культурными достижениями. Сейчас очень важно не потерять эту связующую нить между нашими народами. Утратив прошлое, мы лишим себя будущего.

– Как вы думаете, в сложившейся ситуации культура может существенно повлиять на положение дел?

– Политическую ситуацию всегда очень сложно изменить. В современном мире слишком многое зависит от СМИ. А они, к сожалению, мало работают на культуру. Более влиятельны религиозные деятели. Но и в сфере культуры есть авторитетные лица. Если бы они собрались всем миром, заявили, что не согласны с такой постановкой вопроса, выработали бы определенную позицию, думаю, и народ бы их поддержал. Это мое мнение, ведь так как сегодня, долго продолжаться не может.

– Насколько вы политизированы?

– Я не депутат Думы. Но очень люблю смотреть новостные программы. Стараюсь ничего не пропустить, быть в курсе событий, чтобы в случае необходимости рассказать, объяснить. Это мой максимум.

– Насколько достигим профессионализм в обстановке всеобщей коммерциализации культурного пространства?

– Соответствующая идеология насаждается не только в театрах России. Многие певцы перестали задумываться о том, насколько хороши дирижер или режиссер, сцена, партнеры... Основное внимание обращается на гонорар. Идет полная деградация и в плане музыкальности, и в плане профессионализма, и в плане человеческих взаимоотношений. Общаясь

с импресарио и агентами ощущаешь, что ты для них просто материал, с помощью которого можно добыть определенное количество денег.

– Как соотносится уровень гонораров оперных певцов с доходами поп-звезд?

– Сейчас в условиях кризиса мы уравнились. Как бы смешно это ни было, но в Москве большинство организаций, устраивающих т.н. корпоративные вечеринки, в качестве музыкального сопровождения хотят слушать классические струнные квартеты и квинтеты.

– Как доступна цена билетов в Большой театр?

– Абсолютно доступна. Особенно если вы покупаете билет заранее. Тогда можно приобрести и за 10 долларов. Впрочем, если вы захотите сидеть в первых рядах, платить придется гораздо больше.

– В последнее время режиссеры все чаще поражают нас неординарным сценическим решением оперных спектаклей. Исполнитель имеет право воспротивиться?

– Нынешняя тенденция – очень важно, чтобы был именитый режиссер. Не соглашаешься с ним – уходишь. Спорить практически бесполезно, но бывают исключения. Например, у нас в театре в «Пиковой даме» Елена Васильевна Образцова во время постановки сказала режиссеру, что свою сцену сделает сама, и он не посмел ей ответить. Но это удел немногих.

– Какое событие своей жизни вы считаете наиболее ярким?

– Пожалуй, знакомство с Маквалой Касрашвили. Она пришла в Гнесинское училище, где я тогда училась. Спросила как меня зовут. Дома меня называют Ануля, коллеги – Аня, я хотела ответить – Анна и почему-то произнесла: «Называйте меня Анечка». Касрашвили долго смеялась. Таково ей, конечно, слышать не приходилось. А я еще долго переживала по этому поводу. Маквала Филимоновна замечательная женщина, в ней сливаются воедино грузинская доброта, простота, гостеприимство. В театре она для всех, не только для меня – мама, родная тетушка. Она очень много помогает, поддерживает.

– Что для вас значит деньги?

– Я люблю, когда они есть. Когда их нет – плохо и очень сложно. Жизнь – вещь дорогая. Соответственно она требует денег. Деньги – это свобода, это власть, это уверенность в себе.

– В чем заключается успех оперного певца?

– Мне трудно однозначно ответить на этот вопрос. Для кого-то успех ассоциируется с большими деньгами. Другого рода успешность Пласидо Доминго. Для меня – это идеал успешного певца. Он живет пением, которое не превратилось для него в процесс зарабатывания денег. На мой взгляд, успешность – это признание не только в твоей стране, но и во всем мире. Если твое исполнение признают выдающимся, эталонным и пишут об этом, значит ты успешен.

– Как вы думаете, в каком возрасте оперный певец должен уходить со сцены?

– Я могу понять людей, которые не могут расстаться со сценой. Сцена – это наркотик. Аплодисменты – адреналин. Но если уж сложно отказаться от сцены, надо держать себя в определенных рамках. По-разному бывает. Не уходит со сцены Елена Васильевна Образцова. Но она величайшая актриса и берет своим актерским дарованием. Никто не замечает ошибок, неточностей – все смотрят на действие, происходящее на сцене. Другое дело Монсерат Кабалье. Она от рождения певица, но не актриса. Эталон, на мой взгляд – это Зураб Лаврентьевич Соткилава. Ему 70

лет, он и поет, и актер замечательный.

– Вас удовлетворяет уровень полученного музыкального образования?

– Я еще учусь на пятом курсе Академии имени Гнесиных, а в театр пришла, когда была на первом. Я своим образованием довольна. У меня замечательный педагог – Рузанна Павловна Лисициан. Это человек, который занимается с учениками не только вокалом, но и стилем, искусством вообще. Она очень много знает, понимает, это очень начитанный человек. Вместе с тем не могу не сказать, что в целом качество образования понизилось. Это касается не только Академии, но и консерватории. Меньше внимания стали обращать на владение языками, на владение стилями – все это уходит на задний план. Остается несколько педагогов, которые продолжают держать планку.

– Актеры – народ суеверный. Как вы относитесь к суевериям?

– Не только актеры. Менеджеры в офисах говорят, что перед тем, как идти на работу проводят какие-то ритуалы, чтобы день был удачным. Суеверие – грех, но я суеверна. Раньше, когда возвращалась домой, всегда смотрелась в зеркало, потом где-то прочитала, что так поступать не следует и объяснялось почему. Но со мной ничего плохого не случилось и тогда, когда я в зеркало смотрелась. В чем же тогда правда жизни? Суеверие – это наше глупое восприятие мира. А если серьезно – я всегда молюсь перед выходом на сцену.

– Как вы относитесь к конкурсам?

– Есть конкурсные и неконкурсные певцы, которые теряются перед жюри. Я не могу назвать себя трусливой певицей. Я выхожу на сцену в любом состоянии при любой аудитории. Я могу петь с температурой. И премию всегда хочется получить, но конкурс – это, как правило, субъективное мнение. Сейчас конкурсы приобретают новое значение. Они открывают возможность получить не только денежный приз, но и некий пропуск в будущее. В зале сидят импресарио, много агентов, директоров театров, арт-директоров. Певцы едут на конкурс, как на фестиваль. Вот это, я считаю, правильная формулировка – ты едешь не за деньгами, не за оценкой нескольких членов жюри, а для того, чтобы открыть себе дорогу в будущее.

– Как певцы ухаживают за своим голосом?

– Это связано с физиологией, с типом голоса. Раньше я могла придти и петь два часа, как бог на душу положит. Теперь, повзрослев, осознала, что голос – мой хлеб, мое будущее. Одним словом, поумнела и перестала дразнить свой голос. Сейчас я обязательно распеваюсь. Очень важно соблюдать режим. В еде, в отдыхе, в разговоре. Для многих певцов, которые знают свой организм, очень важно за сколько часов до выступления они едят. Я пока еще не приоровилась – не знаю, что нужно моему организму. Пласидо Доминго перед выступлением, чтобы снять мокроту связок, пил ледяную воду и ел лед. После такой процедуры связки сразу приходят в тонус. Если у тебя хороший иммунитет, ты никогда не заболеешь. В общем, у каждого свой рецепт.

– О чем вы сегодня мечтаете?

– Я мечтательная натура. Моя заветная мечта – получить признание и стать успешной оперной певицей. Я – певица в третьем поколении, но никто из моих предков не смог ничего добиться на певческом поприще. Важнее всего сейчас для меня радовать своих близких, они очень за меня переживают, и я не хочу их подвести.

Марианна ХУБУА

Лили Иашвили

ЧЕМ ДАЛЬШЕ ТЫ...

На протяжении своего жизненного пути мне довелось встречаться (чему способствовала и профессия журналиста) с большим числом людей - интересными, умными, талантливыми, доброжелательными, с тонким чувством юмора, оптимистичными. Но большая редкость, чтобы всеми этими качествами обладал один человек. Мне посчастливилось не просто встретиться, но и подружиться с такой личностью - очаровательной, щедро одаренной умницей и красавицей - композитором Лили Иашвили.

Поначалу знакомство было шапочным, но года через три судьба свела нас в больнице Лечкомбината и эти три недели нас сдружили, как говорится, «на всю оставшуюся жизнь». Лили познакомила меня со своим мужем Григорием Михайловичем Мамардашвили и чудесными детьми - сыном Гурамом и дочкой Майей.

Отец Лили - Михаил Иванович в молодости 12 лет прожил во Франции, где учился и работал; затем вернулся на родину и много лет был смотрителем императорских минеральных вод в Ликани. Инженер по профессии, он хорошо понимал и любил музыку, был

человеком музыкальным, неплохо играл на скрипке, был знаком с братьями Чайковскими. Долгое время в доме хранилась большая коробка визитных карточек Петра Ильича и Модеста Ильича, принца Ольденбургского и многих других именитых особ. К сожалению, в 1937-м году, когда страну сотрясали репрессии, Лили собрала все эти раритеты и, от греха подальше отправила в печку.

Лили было 14 лет, когда умер отец, и ее вместе со сводным братом «поднимала» мать Софья Терентьевна Роговская, сердечная, добрейшая труженица, воспитательница детского сада.

Еще будучи студенткой (она окончила филологический факультет Пушкинского института) Лили вышла замуж. Гриша Мамардашвили был человеком очень неординарным и многосторонним. Окончил два вуза (ГПИ и консерваторию), был доцентом Политехнического института, два года пел в оперном театре, был мастером спорта по спортивной гимнастике и судьей международной категории. Постепенно он и жену приобщил к спорту.

В конце 50-х - начале 60-х годов по воскресным дням грузинское ТВ начало выпускать в эфир комплекс физических упражнений «Тренируйтесь вместе с нами!», который пользовался огромной популярностью у тбилисцев самых разных возрастов. Гриша объяснял упражнения, известные гимнасты Валентина Широкая и Алеко Парулава демонстрировали их, а Лили аккомпанировала. Кстати, по радио аналогичная передача шла ежедневно.

От природы очень музыкальная, Лили не только

отлично играла, но понемногу сама начала сочинять. Однако эти «забавы» она не считала чем-то серьезным. Зато к ним очень серьезно отнесся ее муж. Будучи профессионалом, он сумел распознать ростки будущего таланта и начал уговаривать Лили поступить в консерваторию; она отговаривалась тем, что со времени окончания музыкального училища все позабыла. «Это не причина, я тебя подготовлю», - парировал он. И, подготовил по всем теоретическим предметам так, что Лили без проблем поступила в класс композиции профессора И.Туския, - и в 1953 году окончила ее. Начав серьезно заниматься композицией, она написала несколько оркестровых миниатюр. А еще до поступления в консерваторию - создала крупное сочинение - музыку для грузинской спортивной делегации, выступившей на Всесоюзном послевоенном параде. Произведение было одобрено единогласно, но тут вдруг заартачилось высшее начальство: «Произведение для такого масштабного события, а автор и слишком молод, и пока почти никому неизвестен - несерьезно.» И для «серьезности» в соавторы начинающему композитору «подключили» О.В.Тактакишвили (и насколько мне известно, без его ведома).

Примерно в это же время Лили пробует себя в эстрадном жанре. «Первый блин» (а это была песня на слова Эм.Апхаидзе, написанная специально для начинающей, а впоследствии очень популярной певицы Лили Гегелия) не только не оказался комом, а сразу же был признан любителями и ценителями музыки. Песню «Фиалка» буквально через несколько дней распевал и стар, и млад. А позднее она звучала в Москве, Ленинграде, Англии, Франции, везде, где гастролировал ансамбль «Рэро». Записывая свой очередной диск, Марина Влади выбрала и включила в него две песни грузинских авторов - Г. Цабадзе и «Фиалку». Вслед за Лили Гегелия произведения Лили Иашвили стали петь Гиули Чохели, Этери Гвазава, Цицино Цицкишвили, Сосо Эбралидзе, Марех Годзишвили, Эдуард Сепашвили, Котэ Макаридзе, Сулико Корошинадзе. Песни «Вечер в Тбилиси», «Чем дальше ты...», «Зяблик», «Зачем поешь...», «Вместе с тобой» и многие другие мгновенно становились популярными и любимыми. У Лили был редкий дар «включать» в свое произведение слушателя, делать его участником происходящего. Искренность, мелодичность, особая доверительность - вот качества, которые порождали любовь слушателя. Старшее поколение помнит, какой популярностью пользовалась «Сказка любви» в исполнении трио Годзишвили спустя годы ее в новой оранжировке записал с матерью - Джулей Мурадели сын Эдуарда Сепашвили - Мераб.

Не могу не упомянуть и песню «Сыну», которая стала украшением репертуара замечательной певицы Мери Шилдели. Ее связывала с автором многолетняя дружба. Обе работали в эстрадном училище, прививая своим воспитанникам любовь к песне, развивая и оттачивая их вкус и мастерство.

Особое место в творчестве композитора занимают песни «Приглашаем всех» и «Незнам». Первая была написана к 1500-летию Тбилиси. Писалась она с особым чувством, всей душой и отражала трепетную любовь автора к своему городу. Как только работа была закончена, Лили, не колеблясь, решила, что петь ее должен Зураб Анджапаридзе, и тут же позвонила певцу: «-Послушай мою новую песню. Если понравится, споешь?» - «Конечно», тоже не колеблясь, ответил тот. Майя Мамардашвили помнит, как Зураб приходил к ним домой и как долго и кропотливо работали автор и исполнитель. Конечно, знаменитое

«Тбилиси» Р.Лагидзе сразу же, как только прозвучало, стало бесспорным лидером среди произведений, посвященных родной столице, но «Приглашаем...» могло смело поспорить с шедевром Лагидзе. В музыке Лили Иашвили и голосе Зураба Анджапаридзе сливались воедино мощь и глубокий лиризм, скрытый трагизм и безграничная любовь к родной земле, готовность ее защищать, слышалась как-бы переключка поколений, казалось, что деды и прадеды призывали помнить полное драматизма героическое прошлое отчизны. Лично у меня каждый раз, когда я слышу это дивное творение, мороз по коже, а на глазах наворачиваются слезы.

О «Незнаме» душевно рассказал в свое время актер Мераб Табукашвили. Будучи в Чехословакии, поэт Морис Поцхишвили посетил в городе Липтовски-Микулаш братское кладбище воинов, погибших во время Великой Отечественной войны, в числе которых значились и его соотечественники. Взгляд поэта привлекла лаконичная надпись на одной из могил - «Незнам» («неизвестный»). Пережитое вылилось в поэтические строки. На Лили рассказ и стихотворение произвели сильное впечатление. Вновь и вновь возвращалась она мысленно к этой драматичной истории, пока, наконец, не родилась песня. Ее блестяще исполняла Этери Иосебидзе.

С годами большое место в жизни Иашвили стала занимать военно-шефская работа. Вспоминает композитор Важа Азарашвили: «Я был учеником восьмого не то девятого класса, когда впервые услышал одну из популярных песен Лили Михайловны и был очарован ее музыкальностью, лиризмом. Познакомившись с ней лично (тогда я уже кончал консерваторию), я был искренне обрадован тем, что реальная Лили не только не уступала, но даже превзошла тот образ, который я создал в своем воображении. Вскоре мы очень подружились. Этому способствовало наше активное участие в военно-шефской работе. Творческие группы, в состав которых входили композиторы и популярные исполнители, ездили с выступлениями по городам, селам, погранзастам трех закавказских республик. наших приездов ждали, встречи всегда проходили с неизменным успехом, мы обзавелись не только искренними поклонниками, но и настоящими друзьями (одним из них был виолончелист Гурген Адамян). Часто с большим удовольствием и светлой грустью вспоминаю те годы, наши поездки. Сколько было смеха, юмора, розыгрышей. И всегда душой компании была Лили (в «паре» с большим мастером розыгрышей Мерабом Донадзе). Обладая бездной достоинств, она была очень простым, душевным, лишенным даже намека на высокомерие и самомнение человеком. Я ее любил за душевную красоту и яркий талант. И еще одно замечательное качество было у нее. Она никогда не «тянула одеяло на себя», не старалась «протолкнуть» свои произведения. Наоборот, стоило нам встретиться, как она брала меня в оборот:»Я слышала твою новую песню. Отличная! Дай мне, я ее разучу со своими студентами. Песню должны петь, ее должны слышать. Не тяни, я жду». Поверьте, далеко не каждый автор так горячо печется о популяризации работ своих коллег. Особенно сегодня».

В то время Лили уже работала в эстрадно-цирковом училище (в котором преподавала до конца жизни). А до того были 3-я музыкальная школа (она вела класс композиции и ее первым учеником был Дато Евгенидзе) и Грузинский театральный институт (в те годы там преподавали даже обязательное фортепиано!).

После насыщенного и напряженного учебного года вся семья с нетерпением ждала отпуска и каникул. И при первой возможности стремилась к морю.

- Мама любила все наши приморские города, но Батуми, - вспоминает Майя Мамардашвили. - Он за-

Лили Иашвили

нимал особое место в ее сердце, она говорила, что он ее вдохновляет, помогает творить. В один из приездов редактор газеты «Советская Аджария» Владимир Марганидзе прислал к маме корреспондента для интервью. Завершая беседу, она сказала: «Я в долгу у этого дивного города, мне очень хотелось бы как-то отблагодарить его за ту радость, которой он одаривает всех нас.» На какое-то время задумалась, рассмеялась и сказала: «А я придумала! Но это пока секрет. Это будет сюрприз батумцам к Новому году. Договорились?»

Вернувшись в Тбилиси, мама то и дело садилась к пианино и наигрывала то одну, то другую мелодию. Позвонила своему доброму знакомому поэту и художнику Корнелию Санадзе, рассказала о своей задумке и попросила написать текст. Видимо, и Санадзе загорелся этой идеей, буквально на следующий день он принес готовое стихотворение. Песню записали солисты ансамбля «Рэро» Нанули Абесадзе и Сулико Корошинадзе. Прекрасную оркестровку сделал руководитель ансамбля композитор и аранжировщик Константин Певзнер, и это тоже, безусловно, способствовало популярности песни. Не могу не отметить, что не будучи грузином по национальности, он в каждое свое произведение вкладывал истинно грузинский дух, что придавало им особый аромат. Скажу, что песня, ее все называют «Батумс каткатас» (Батуми бело-

снежный) стала неофициальным гимном города, была любима поголовно всеми и жива по сей день.

Вспоминает певица Нанули Абесадзе: «Мои детские и школьные годы прошли в доме на улице Оболадзе. Напротив нас жило семейство Иашвили, к которым часто приходила молодая, красивая, золотоволосая женщина. И тут же в квартире начинал звучать рояль, слышались пение, смех. Я смотрела в их окна и отчаянно завидовала. Эти детские впечатления живы в моей памяти.

Каково же было мое удивление и радость, когда в один из декабрьских дней (а это был 1966 год, и я, уже будучи студенткой, пела в «Рэро») к нам на репетицию в клуб имени Дзержинского пришла та самая очаровательная женщина, кумир моего детства Лили Иашвили. Оказывается, за пару дней до того она позвонила Певзнеру и сказала: «Котик, я знаю, у тебя есть отличный лирический дуэт, он мне нужен. Я написала песню. Это, конечно, не опера «Кармен», но думаю, она тебе понравится». Певзнер пригласил ее на репетицию, она пришла, познакомилась с нами, повела к себе домой (на улицу Грибоедова №5, благо это буквально в двух шагах от клуба) и мы тут же приступили к работе. Понятно, что я очень волновалась, но весь процесс работы оказался таким счастьем, о котором я и мечтать не могла. Через три дня (в рекордный срок!) мы записали «Батуми» в крохотной комнатке радиостудии в Доме связи. Сразу же после того, как песня вышла в эфир, она стала необыкновенно популярна, хитом, как сказали бы сегодня. Она звучала повсюду - в ресторанах, кафе, магазинах, домах. Очень смешной эпизод рассказал мне поэт Джансуг Чарквани. Как-то группа поэтов и композиторов отдыхала в Батуми. Гостиничный балкон Джансуга соседствовал с балконом номера, в котором жил Тактакишвили. Утром, выйдя полюбоваться морем, он увидел композитора. Отар Васильевич обратился к Джансугу: «Слушай, чья это песня, которая звучит здесь, по-моему, круглосуточно?» - «Как это ты не знаешь? Это ведь творение Лили Каткаташвили». Сказал и тут же захохотал. Слова «Батумс каткатас» так засели в голове, что он вместо «Иашвили» сказал «Каткаташвили».

В 1995 году в Аджарии прошел I фестиваль «Песни о Батуми», на котором произведение Лили (она прозвучала в моем с Сулико дуэте) получило Гран-при! Позывными фестиваля были начальные такты этой песни.

У Лили росли сын и дочь. Старший - Гурам стал химиком, как и многие выпускники его школы. (Это заслуга их учительницы, которая буквально влюбила своих учеников в свой предмет). Работал в Институте химии, в ГПИ, в Комитете по охране природы. На свадьбе своей кузины познакомился с подружкой невесты Наной Харбедия (оказалось, что и она химик). Молодые люди поженились и скоро на свет появилось очаровательное существо - Софа.

Если после рождения дочери в творчестве композитора Иашвили появился новый жанр - детские песни (она писала их для Майи, но они быстро завоевали любовь и популярность. Песни «Кричи-кричи», «Про футбольный мяч», «Весна», «Дети всей земли». Кстати, сама Майя в 5 лет спела «Кричи-кричи» и был записан клип, а позднее с песней «Весна» выступила на ТВ), то с рождением внучки этот жанр зазвучал с новой силой и появились маленькие шедевры - «Рэро-рэро», «Крохотный кораблик», «Гусенок», «Молодцы», «Песня про ласточку» ...

Детские песни сдружили Лили Михайловну с единственным в Союзе детским музыкальным ансамблем

«Мзиури». Его создатель и руководитель на протяжении многих лет Рафа Казарян систематически навещался к Лили и, не успевали высохнуть чернила на ее нотном листе, как он хватал свой «трофей» и мчался во Дворец пионеров. И начинали звучать «Комши-комши», «Царство солнца - Грузия», «Пионерская походная», «Песня о Тбилиси», «Ласточки Тбилиси». Майя Джабуа, Эка Кахиани, Кетико Деканозишвили и сегодня вспоминают добрую, улыбочивую тетю Лили, чьи песни они распевали с таким энтузиазмом.

В годы, когда «Мзиури» руководил Р.Казарян, вышла первая пластинка-гигант ансамбля, в которую были включены две Лилины песни: «Грузия - страна солнца» и «Комши-комши». А уже после ухода композитора из жизни был выпущен диск, целиком посвященный произведениям Лили в исполнении мзиурицев. (в него вошли «Ласточки Тбилиси», «Пионерская походная», «Комши-комши», и «Грузия - страна солнца»). Тогда ансамблем руководил уже Гурам Джанини.

В 1967 году в Тбилиском театре музыкальной комедии им.В.Абашидзе была поставлена детская оперетта Л.Иашвили «Коши Бабаджаны». А подвигла либреттиста на эту работу композитор. Зерно, видимо, упало на благодатную почву. Михаил Тархнишвили, взяв за основу одноименное произведение Иосифа Гришашвили, засел за работу, а Лили - за инструмент и через несколько месяцев они принесли в театр свое творение.

Премьера прошла с успехом, как и все последующие спектакли. Танец восточных женщин, первая песня Бабаджаны (ее очень колоритно исполнял Бадри Бегалишвили), сцена купания, выходы Рабад-хана (Джибо Талаквандзе) неизменно сопровождалась долгими аплодисментами и требованием бисировать. В 1969 году во время гастролей театра в Москве стояла страшная жара, но несмотря на это, оба показа оперетты прошли с аншлагом. Несколько позднее она была поставлена в Польше. Главный дирижер Варшавского театра оперетты Владислав Словинский писал автору музыки: «Ваше произведение по-польски звучит так: «Кто боится старых башмаков». Оно поставлено в Гданьском театре музыкальной комедии, включено в репертуар и очень нравится детям».

В 70-е годы в Тбилисской музыкальной комедии с немалым успехом шла вторая Лилина оперетта-сказка «Ирмиса».

В Греции есть поверье, что боги Олимпа завидуют счастливым людям и, бывает, жестоко им мстят. Как гром среди ясного неба свалилось на семью Лили страшное горе. В одночасье, в расцвете сил (в 1979 году) умер Гурам. Лили Михайловна была сильным, мужественным человеком. Она держалась стоически и всеми силами старалась поддержать своих близких. Никто не видел ее слез и отчаяния. Лишь оставшись одна она разрешила себе дать волю чувствам. Но сердце, видимо, не выдержало такой нагрузки. Она пережила сына всего на четыре года.

В день похорон квартира была заполнена фиалками (где их только отыскивали в холодном ноябре?), лились знакомые, любимые мелодии Лилиных песен; чаще других звучала знаменитая «Ия-ия».

В 1986 году скончался Григорий Михайлович. Се-

мья осиротела еще раз. Идут годы. Боль от утрат не проходит, просто она становится чуть глуше. Жизнь продолжается и надо жить, растить и воспитывать молодую поросль - детей и внуков. Майя Мамардашвили окончила консерваторию, работает там же концертмейстером кафедры художественного аккомпанемента. Ее сын Ака (Алексей Джиджихия) - сотрудник фирмы «Катони» - уже сам отец двух детей - Никуши и Ирины.

Дочь Гурама успела вырасти, окончить консерваторию по классу композиции Алексея Мачавариани, создать ряд пьес для скрипки, ноктюрн для скрипки с оркестром, несколько песен (в том числе и на стихи Анны Каландадзе). Ее дочь Лили учится на факультете телерадиожурналистики Университета театра и кино им.Ш.Руставели.

Главное - не утрачен тот дух дружбы, добра, творчества, любви к искусству, который царил в этом доме всегда, сколько я его помню.

На протяжении многих лет нам внушали, что нет незаменимых людей. Неправда. Когда из жизни уходят яркие, неповторимые личности, эти потери невозможны. Возможно, придут еще более талантливые и выдающиеся люди. Но ниши, которые занимали Сесилия Та-

кашвили, Нодар Думбадзе, Реваз Лагидзе, Анна Каландадзе, Серго Закариадзе, Эроси Манджгаладзе, Этери Магалашвили, Лили Иашвили остаются пустыми. И наша с вами обязанность чтобы память об этих людях жила как можно дольше.

Через два года Лили отпраздновала бы свое 90-летие. Хочется надеяться, что Союз композиторов и Министерство культуры не пройдут мимо этой даты, а организаторы певческих конкурсов будут рекомендовать исполнителям обратиться к творчеству композитора Иашвили.

И еще: замечательно и справедливо, если б одна из улиц нашего города стала носить имя этой талантливой женщины. А «Русский клуб» обратился бы с этой инициативой к мэрии города Тбилиси.

Донара КАНДЕЛАКИ

ХЛЕБНАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Не хлебом единым жив человек! Но физическое выживание народа зависит, все же, от хлеба. Вот почему академик Петре Наскидашвили обратился к Католикусу-Патриарху Всея Грузии Илие II с просьбой обратить внимание нации на очень тяжелое положение в сельскохозяйственной науке и во всей зерновой отрасли.

Шестьдесят лет занимаясь пшеницей, самый известный грузинский селекционер и генетик, впервые видит, что сегодня приходится сеять хлеб на почве, которая уходит из-под ног.

Со скольких полей прошлым летом не собрали готовый урожай?! Сколько полей, засеянных дорогостоящими сортами, остались без полива из-за перекрытого водопровода?! Сколько полей продано под строительство?! Много риторических вопросов в сегодняшней Грузии. Но хороший хлеб нужен всем и всегда.

Сегодня на прилавках изобилие, но мы хорошо помним, как в преддверие нового века приходилось ночами стоять в очередях, чтобы получить по талону буханку невозможного на вкус хлеба. Голод — это явление связано не с плохим урожаем и природными катаклизмами, а с политическими перипетиями. Сегодня в стране есть инвестиции, а завтра в условиях глобального экономического кризиса их может не быть. На что тогда покупать и завозить муку? Государство должно иметь свои житницы и закрома, и при этом чистую воду в реках и не деградировавшие, изъеденные эрозией земли. В этом направлении продолжает работать грузинский ученый Петре Наскидашвили.

Его экспериментальное научное поле - все засушливые регионы Грузии, где растет пшеница - Кახетия, Картли и Южная Грузия. Старая советская система ведения сельского хозяйства себя исчерпала. Канули в Лету «битвы за урожай». Очень медленно в Грузии возникает новая действительность. Если раньше в стране было 1950 колхозов и совхозов, каждый с опытным агрономом и председателем, а еще десяток научно-исследовательских институтов в Грузии и

Петре Наскидашвили

по всему Советскому Союзу должны были их консультировать, то сегодня мы имеем 700 тысяч фермеров, очень далеких от современной сельскохозяйственной науки. Но эти люди работают на своей земле, а мировая наука накопила гигантский опыт селекции культур для любого региона и самых невероятных стихийных бедствий. Остается всему этому фермеров обучить.

Поднявшись на новый уровень, наука сделала виток и вернулась на ту же позицию, которую всю жизнь отстаивает Петре Наскидашвили. Только национальные сорта во всем своем многовидовом разнообразии гарантируют долгосрочную продуктивную и экологическую стабильность сельского хозяйства.

Сегодня позицию академика о поддержке национальных генобанков разделяет крупнейший международный альянс CGIAR, офис которого в 2002 году открылся в Тбилиси.

Стратегический альянс - это консультативная группа по международным исследованиям в области сельского хозяйства, с бюджетом в полмиллиарда долларов, оказывающая поддержку 15 международным исследовательским центрам. В программах задействованы 21 развивающаяся и 26 промышленно развитых стран. Свыше 8 тысяч ученых проводят са-

мые современные исследования по всему миру.

Все это ради решения одной из самых главных проблем современности – обеспечения продовольственной безопасности развивающихся стран и ликвидации голода. Такое объединение усилий за 38 лет совместной работы дало ощутимые результаты.

Нелегко объединить усилия в мире, раздираемом противоречиями. Но двадцатый век, проявив все лучшее и худшее в человеческой натуре, не оставил миру выбора.

В разные периоды истории случался голодомор, но он как правило связан с неурожаями, стихийными бедствиями и другими природными катаклизмами. В двадцатых - тридцатых годах прошлого века невиданный по своим масштабам голод на большой территории Советского Союза был вызван полным развалом сельского хозяйства и неадекватно большим экспортом пшеницы для голодного государства.

Мир был потрясен и убедился, что плохая политика страшнее неурожая и природных катаклизмов.

Парадокс заключается в том, что в те же годы в СССР Николай Вавилов, первый президент Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук, уже создал сеть институтов зернового хозяйства на Украине, Северном Кавказе и в Сибири. В 115 отделениях и опытных станциях от субтропиков до тундры шло научное изучение культурных растений. Он заложил основы учения о генетике растений и в 1930 году создал Институт растениеводства.

С тех пор генетика во всем мире стала теоретической основой селекции и дала ей новый импульс. Целенаправленное управление мутациями позволило создать более 10 тысяч сортов пшеницы. Произошли «зеленые революции».

Начало «зеленой революции» было положено в Мексике в 1943 году сельскохозяйственной программой правительства и фонда Рокфеллера. Крупнейших успехов по этой программе достиг Норманн Берлоун, выведший множество высокоэффективных сортов пшеницы с коротким стеблем, а потому устойчивых против полегания. Перейдя на новые сорта, Мексика за несколько лет полностью обеспечила себя зерном и начала его экспортировать, поскольку урожайность

возросла в три раза.

В последующие годы разработки Берлоуна были использованы с большим успехом в селекционной работе в Колумбии, Индии и Пакистане. А автор в 1970 году был удостоен Нобелевской премии мира.

Второй этап «Зеленой революции» был связан с разработкой новых удобрений и гетероциклических пестицидов.

Но каждая революция имеет свои тяжелые долгосрочные последствия!

«Зеленая» спровоцировала экологические проблемы. Интенсификация земледелия нарушила водный обмен почв, вызвала засоление и опустынивание. Неразлагаемые гетероциклические вещества стали накапливаться в растениях и животных.

Еще одно неблагоприятное последствие состояло в том, что весь рынок зерна, удобрений, пестицидов и сельскохозяйственной техники был полностью захвачен американским капиталом.

Мир не стал стабильнее и счастливее! Потому, как есть другая сторона медали.

Пшеница – категория философская. В каждом колоске, в каждом зернышке, как в капле моря, отражены кровь, пот и слезы народа. Поэтому и подход к ней требуется деликатный, почти ритуальный.

Таким жрецом пшеницы, человеком, слушающим зов земли, является Петре Наскидашвили. Сын крестьянина, он стал академиком Грузинской и Всемирной академий. Вырастил 36 докторов наук и 120 кандидатов в области генетики, селекции и семеноводства. Сам в свое время был учеником и близким другом знаменитого Леонарда Декаприловича. Ученого, который первым открыл, описал все грузинские виды и сорта, а затем разослал их всем пшеничникам в мире.

Генетик Наскидашвили вывел огромное количество новых сортов, и всю жизнь провел на полях, где всходила, росла и колосилась его пшеница. Один бог знает, сколько за эти годы было драм, сюрпризов и побед. Он – живая энциклопедия пшеницы.

Телевидение Грузинской патриархии предоставило ему эфирное время, чтобы поведать истину заинтересованной аудитории. Она заключается в том, что

Грузия считается родиной культурной пшеницы. Из существующих сегодня в мире 23 видов пшеницы в Грузии открыто и описано 6! Они были найдены во время археологических раскопок и относятся к эпохе неолита. Кроме древних видов, обнаружены еще 154 культурных разновидностей и 150 аборигенных сортов. Грузия также является родиной иммунных видов. На их базе в мире создано свыше пятидесяти сортов абсолютно устойчивых к различным заболеваниям.

Драма заключается в том, что сегодня в Грузии местных сортов нет в производстве!

И это не было результатом советского хозяйствования. Весь прошлый век мир шел по пути создания высокоурожайных сортов, а местные сорта, хоть и очень высоко-

На опытном участке

белковые с повышенным содержанием ценного ли- зина, на самом деле – малоурожайные.

Вот они и были в свое время заменены на высо- коурожайные мировые хиты. Но это – самообман.

Шестидесятилетний опыт работы ученого, и ему нельзя не доверять, говорит следующее: «Генетика предполагает, что, если сорт высокоурожайный, он низкого качества. Высокоурожайные сорта в новом регионе бывают таковыми только первые 1-2 года. Потом производительность падает с каждым годом. Ген, отвечающий за урожайность, проявляет свое действие только в определенных природных услови- ях. Высокоурожайные американские, мексиканские и русские сорта, будучи посеянными в Грузии, себя не оправдали. Адаптационный механизм не включился».

Увы, в мире нет совершенства!

Поэтому, средняя урожайность за 10-20 лет у мес- тных сортов всегда оказывается выше.

- Наши предки - продолжает Петре Наскидашвили – никогда раньше не оставались без хлеба! Ни погод- ные аномалии, ни сложный рельеф не были помехой. Земледелие было иным - многосортным и мозаич- ным. В одном селении, даже на одном участке засе- вали разные сорта пшеницы. Слава богу, был выбор.

«Маха», «Зандури», «Тавтухи», «Хулго», «Рачу- ла», «Картлис тетри доли», «Картлис цители доли» и множество других сортов. Колосья остистые, белые, красные, черные. Иногда колос белый, а зерна крас- ные, иногда колос черный на белом фоне с красными

Н.Вавилова.

Большая часть образцов, являющихся перспектив- ными донорами для получения новых сортов и гибри- дов, помещена в национальное хранилище генетичес- ких ресурсов на Кубанской опытной станции. Туда до недавнего времени ездили наши грузинские фермеры за посевным материалом.

В Грузии коллекции сортов пшеницы имеются в Институте ботаники и Институте земледелия, а также – личные, у известных грузинских селекционеров.

Первым делом высеяли коллекцию Института бо- таники. Увы, она не взошла!

И в этом печальная символика нашего времени, хотя есть реальные объяснения – холодильники не работали исправно, образцы не регенерировали и так далее.

Сегодня, подключив международный альянс CGIAR, грузинские ученые пытаются создать нацио- нальный генопарк пшеницы на базе Института зем- леделия. Его коллекция содержит 4 тысячи образцов разных зерновых культур, в том числе 200 образцов пшеницы. К сожалению, вышеуказанный институт ве- дет бесконечные тяжбы, пытаясь сохранить принадле- жавшие ему земли для опытных испытаний.

Тем временем НИИрастениеводства передал CGIAR из своих хранилищ полную коллекцию грузин- ских сортов пшеницы для возрождения на родине. По абсурдной логике нового времени коллекция воз- вращается домой через Африку, где располагается штаб-квартира соответствующей программы альянса.

Селекционер Наскидашвили убежден, что восстановить сорта можно будет за 2-3 года, но только в том случае, если будут восста- новлены научная база, инспекция по контролю семян и государс- твенные испытания селекционных достижений. Все, что сегодня лик- видировано. Царит хаос! Но друго- го цивилизованного пути нет.

- Засеяв 200 тысяч гектаров пшеницы районированными сор- тами, мы свободно можем полу- чать 600-700 тысяч тонн зерна. Кукуруза для нас тот же хлеб! Еще 200 тысяч гектаров кукурузы, это – 700 тысяч тонн муки. Для пита- ния сегодня стране нужны 1 мил- лион 200 тысяч тонн муки. Мы себя сами прокормим!

У батони Петре постоянно звонит телефон. Выступление по теле- визору вызвало огромную волну интереса у фермеров.

- Несмотря на очень тяжелое положение в сель- ском хозяйстве, сейчас все легко изменить! Нет ни- каких приказов сверху, что и как сеять. Появилось много желающих узнать истинную цену своих нацио- нальных сортов. Нужны государственная поддержка, современная наука и крестьянский труд.

Патриарх сельскохозяйственной науки спокоен и убедителен. Это спокойствие невольно передается собеседнику, и хочется верить, что наука и действи- тельность, наконец, создадут гармонию. И закрома будут полны и реки чисты и прозрачны, а люди обретут надежду.

В поле с коллегами

зернами. И на каждом уклоне другой сорт. Вы только представьте, как живописно выглядели эти пшенич- ные поля.

Сегодня ученым понятно, что без «мозаики» по- лучить стабильный урожай нельзя. Надо восстанавли- вать все аборигенные сорта по зонам и на их базе создавать более высокоурожайные и, главное, высо- коадаптированные сорта.

Как же обстоит дело с грузинским генофондом пшеницы?

Полная коллекция грузинских видов и сортов в живом виде, а это означает, что в любой момент есть возможность доступа к генетическим ресурсам рас- тений, сохраняется в НИИрастениеводства имени

Ирина МАСТИЦКАЯ

ДАВНИХ ЧАР НЕСТИРАЕМЫЙ СЛЕД

В начале нынешнего века искусствовед Байя Цикоридзе открыла на улице Шардена частную галерею «Байя». Череда выставок картин известнейших грузинских художников дала владелице галереи право на заказ Министерства культуры - госпожа Цикоридзе подготавливает выпуск уникального каталога, в котором будут представлены триста работ Елены Ахвледиани, хранящиеся у коллекционеров Грузии и зарубежья.

Мартовская экспозиция в «Байя» включает в себя пять имен блестящих мастеров живописи и графики: Елена Ахвледиани (1901-1975), Лев Баяхчев (1930-1992), Кирилл Зданевич (1892-1969), Мосе Тоидзе (1871-1953) и Петр Блеткин (1903-1988). Каждый из этих художников обладал ярко выраженной индивидуальностью. Но собранные вместе по воле случая картины пяти авторов имеют нечто общее. Это «нечто», можно определить как обобщенное творческое впечатление от Грузии двадцатого века.

Мосе Тоидзе представлен на выставке «Пейзажем» и «Танцем» (1910), от которых веет романтическим духом Тифлиса рубежа XIX-XX веков. Эти картины-предания сумрачно-прекрасны, как поэмы Лермонтова. Жизнь же самого Мосе Тоидзе прошла вполне благополучно. Он получил практически все возможные для художника государственные награды. Член АХ СССР, Герой Социалистического Труда, профессор Тбилисской Академии художеств (1930-1953) посвятил свою жизнь увековечиванию традиционного духа старого Тифлиса, раскрываемого в контексте российского восприятия Кавказа.

Кирилл Зданевич - кубофутурист, член группы «41 градус», открывший с братом Ильей и Михаилом Ле Дантю творчество Пиросмани, удостоенный похвал Пабло Пикассо, - в 1949 году был сослан в Воркуту как «враг народа». Сразу же после реабилитации 1957 года Кирилл вернулся в родной Тбилиси и создал трогательно-нежный светлый «Пейзаж», который мы видим в галерее «Байя» - один из цикла подобных. Остроконечные «Цветные горы» Зданевича упираются в пухлые «облачные груди» неба - неба вполне достижимого! Зданевич словно указывает на возможность достижения совершенства. Даже «Натюрморт» из фруктов «уложен» художником на фоне горной свободы.

Елена Ахвледиани - мастер орнаментализированного пейзажа, не променявшая Грузию на покоренные художницей Италию и Францию, - в «Байя» предстает в сдержанно-серой грузинской «Зиме» и веселой, аляповатой архитектуре «Старого Тбилиси». Две работы - два полюса характера незабвенной Элички, охотно балагурящей в компании, но в одиночестве возвращающейся к упорядоченности европейских рассветов. Ее «Гурийский двор» - символ той внутренней опустошенности, которая обычно трагически ощущается мастерами перед самым притоком свежих мощных эмоций.

Лев Баяхчев - член Союза художников СССР - встречается нам на крутом подъеме мостовой «Сва-

На открытии выставки

нетисубани». Его «ватный», ненастоящий снег «Зимы в Тбилиси» пропускает сквозь себя сиренево-оранжевое тепло городских домов. Узкое лицо дамы на «Портрете» и загадочная «Абстракция» подводят нас к теме «игры в самих себя». У Баяхчева «декорации» и «артисты» обособлены, но взаимозаменяемы. Непостижимо, чего больше: живости в бульжниках и столбах или мертвенности в женском лице?!

Петр Блеткин - член Союза художников СССР - оставил нам безликих «Балерин», мускулистых и вполне земных, не эфемерных, но прелестных. «Отдыхающие в поле» крепкие женщины являют ту же зримую материальность, физическую крепость, внушающую уверенность. Успокоение «Матери и дитя» (1979) - это чистые линии и покорность реалиям повседневности. Но вот, рядом картина «Цинандали, парк» (1955) - чудо природы, не ведающей будничных дней. Листья огромного дерева имеют цвет созревающего персика. Нежная зелень манит в бунинское царство флоры, познанное и Блеткиным. Но у Блеткина даже рукотворный город становится частью нерукотворного мира. В синей раме мы видим астральный «Тбилиси» - сиренево-золотистую столицу мечты, порожденную не людьми, а небесами. Серая линия Куры на переднем плане - преддверье выхода в иное мироощущение, ирреальное и восхищенно-тихое. Город-фантазия облечен в неуловимый флер романтики. Тбилиси Блеткина поистине венец творенья. Такое видение само по себе бесценно, а в искусной передаче мастера становится одной из итоговых работ грузинской живописи. В подобных картинах выражена не только любовь к Родине, но и преклонение перед самим фактом ее существования.

Картины, оставленные нам в наследие - это след давних чар Грузии. Возможно, что проследовав за откровениями искусства прошлого, мы и сегодня почувствуем в реальном мире нечто от флера кавказской романтики.

Катя ЦИБЕР

ПРИЮТ ДЛЯ СТРАЖДУЩИХ

Среди общественных построек Тбилиси середины XIX века, одна из наиболее значительных – новая городская, т.н. Михайловская больница. По сути дела это было первое, специально построенное лечебное учреждение такого типа не только в Тбилиси, но и во всем Закавказье. Существующая до того времени городская больница (рассчитанная на 70-80 коек) помещалась в частном доме и, по мнению многих, в том числе наместника Кавказа (1863-1881) великого князя Михаила Николаевича (брата российского императора Александра II), уже не только не отвечала потребностям города, но и своему назначению. В связи с этим 27 декабря 1863 года по распоряжению наместника была создана особая комиссия под председательством почетного лейб-медика Андрея Либау, которой было поручено организация строительства новой городской больницы. Уже 3 января 1864 года комиссия поместила объявление в газете «Кавказ» о намерении приобрести участок земли для строительства новой больницы. Поступило 38 заявлений от лиц, которые желали продать свободные земельные участки. После обсуждения комиссия единогласно остановила свой выбор на участке земли площадью 271,4 квадратных саженей, который предложили ей тбилисские жители Иоганн Майер и Готфрид Ланг. Участок находился на левом берегу Куры, в немецкой колонии. Выбор этого участка был обусловлен следующими соображениями: если предположить постройку новой больницы на правом берегу Куры, близ таможенного здания (т.е. в Ортачала), то в этом случае оба больших больничных здания: тбилисский военный госпиталь в Навтлуги и новая городская больница оказались бы в одной и той же части города, что при эпидемии могло бы лишить «всю остальную часть городского населения пользоваться скорою медицинской помощью»; эти неудобства вполне устраняет выбранный участок, находящийся в «центре старой и новой частей города, соединенных через реку Куру Михайловским мостом»; выгодная

Михайловская больница

с экономической точки зрения цена этого участка и в то же время возможность в случае необходимости приобрести дополнительные участки по той же выгодной цене, что и было сделано впоследствии; близость этого участка к Куру и возможность «на выдающемся береговом мысу устроить водоснабжение для больницы»; микроклимат этой части города, более доступной «господствующему в Тифлисе северо-западному ветру, чем устраняются главным образом условия, способствующие развитию миазматических болезней».

После приобретения участка, 7 мая 1864 года в той же газете «Кавказ» был объявлен конкурс «на представление проектных чертежей для возведения в г. Тифлисе больничных зданий гражданского ведомства», с программой построек, составленной уже упо-

мянутой комиссией по постройке больницы. По всей вероятности объявление о конкурсе было помещено также в газетах – «Одесский вестник» и «Санкт-Петербургские ведомости», поскольку результаты этого конкурса должны были быть опубликованы и в этих газетах. Наряду с объявлением о конкурсе газета сообщала этим и что «генплан с нивелировкой местности желающие могут видеть: в Тифлисе – Закавказском приказе общественного призрения, в Одессе – в Одесском строительном комитете и в С.-Петербурге – в канцелярии Императорской академии художеств». Здание больницы должно было быть возведено «в 4-й части г. Тифлиса» из кирпича на участке земли, находящемся между двух улиц – Михайловской и Набережной (ныне проспект Давида Агмашенебели и ул. Узнадзе), при этом «ширина участка была 30 саженей 1 аршин и в глубину 90 саженей». Больница должна была быть спроектирована на 200 коек. Предполагалось иметь три типа больничных палат: большие (на 10 коек), средние (на 6 коек) и малые (на 3 койки). Всего 37 палат: 14 больших, 13 средних, 10 малых. Особо отмечалось, что «составители проектов должны сообразовать расположение построек так, чтобы оставить свободное по возможности большое место для разведения сада». Все чертежи должны были

быть представлены без подписи, под девизом, также как и прилагаемый к проекту запечатанный конверт, в который «будет вложена записка с полным именем и адресом составителя». Установлены были три премии – первая (1200 руб.), вторая (400 руб.), третья (400 руб.). Особо было оговорено, что присуждение премии за проект «не дает составителю одного права на производство самой постройки». Конкурсные проекты должны были быть представлены к 10 октября 1864 года «в г. Тифлисе к председателю комиссии по устройству больничных зданий ДСС, доктору Либау».

К указанному сроку в комиссию поступило восемь проектов. После их рассмотрения первую премию комиссия присудила проекту под девизом «Временем вперед», который в основном отвечал требованиям конкурсной программы во всех ее частях. Вторая и третья премия соответственно были присуждены проектам под девизами «Стремя» и «Кавказ». Постановление комиссии о присужденных премиях было представлено на утверждение великому князю Михаилу Николаевичу, который утвердил его 17 декабря 1864 года. После этого 19 декабря того же года, в комиссии состоялось вскрытие запечатанных конвертов, под упомянутыми уже девизами, оказалось что проекты удостоенные премий, составлены, первый – тбилиским уроженцем, архитектором Альбертом Зальцманом (1833-1897), второй – инженер-капитаном де Ленце Ленчевским и третий – «назначенным в академии» Головановым. После одобрения и утверждения наместником проекта архитектора А.Зальцмана он был командирован «для практического ознакомления с современным состоянием европейских больничных сооружений», Германию, Францию, Бельгию и Англию. После возвращения им были составлены «сметы на постройку больничных зданий и представлены от комиссии в главное управление наместника Кавказского на дальнейшее распоряжение».

Закладка больницы состоялась 8 июля 1865 года. Строителем здания больницы, а также членом строительной комиссии был назначен А.Зальцман. Строительство было завершено в 1868 году, торжественное открытие состоялось 8 ноября, в день когда как писала газета «Кавказ» (№133, 1868 г.): «Совершилось открытие давно желанного, самого современного по устройству приюта для страждущих – новой городской больницы», которая «по своему устройству не только может быть поставлена наравне с подобными учреждениями в империи, но даже и опередило их». И далее, по мнению той же газеты, «Тифлис по общему благоустройству должен еще уступить место многим более щедро снабженным городам, но в отношении признания больных он смело может отныне соперничать с лучшими центрами европейской образованности». Новая больница, рассчитанная на 174 койки, имела возможность разместить и большее количество больных. При ее проектировании была принята т.н. павильонная система, при которой «все больничное здание составилось из отдельных самостоятельных частей или павильонов, соединенных между собой в одно целое коридорами». Надо полагать, что эта система была наиболее прогрессивной для того времени, поскольку давала возможность «быстрого и совершенного разъединения каждой отдельно взятой части (т.е. павильона) на случай эпидемии», что имело существенное значение. Больница состояла из пяти павильонов, точнее отделений, четыре – для больных, а в пятом – две церкви и администрация. Больные размещались по отделениям в соответствии с характером их заболевания. При этом «число их определяется строгим вычислением кубического содержания возду-

ха для каждого». Палаты были размещены на южной стороне, на северной же «имеются обширные коридоры, которые должны способствовать вентиляционной системе, служа постоянным резервуаром чистого, а летом и прохладного воздуха». Больница снабжалась водой, доставляемой из Куры при помощи «парового приспособления». Вода собиралась в специально устроенные резервуары, находящиеся на чердаке здания, оттуда она железными трубами распределялась по этажам. Отапливание больницы осуществлялось «вентиляционными печами, вводящими свежий нагретый воздух в палаты, а испорченный вытягивается посредством нагретой вытяжной трубы». Между каждыми двумя палатами были устроены «ванны, туалеты, ватерклозеты, грелни». Прачечная была устроена аналогично берлинской больницы Charité, в частности с «паровыми чанами для кипячения белья» и т.д. Кроме общих палат, были предусмотрены «особые комнаты, с более просторным помещением для лиц, согласных вносить высшую плату». В больнице было предусмотрено родильное отделение на 4 койки. Словом, это было лечебное учреждение, устроенное и оборудованное в соответствии с новейшими достижениями науки и техники того времени. Помимо основного корпуса больницы были построены еще два флигеля, выходящие на Михайловскую улицу, которые существуют и в настоящее время. В одном из них помещалась аптека, а в другом – квартира врача.

Первоначально больницу назвали «городской», поскольку великий князь Михаил Николаевич отказался от того, чтобы больница была названа его именем, и Михайловской она стала именоваться лишь с 1881 года, когда его назначили председателем государственного совета и он переехал в Санкт-Петербург. Постройка больницы обошлась, включая расходы на приобретение участка, в довольно значительную для того времени сумму – 373.357 рублей. Кроме этого, 10.213 рублей было заплачено за «различные аппараты, выписанные из-за границы». Почетный лейб-медик Андрей Либау передал в дар новой больнице собственную библиотеку, а также 10.000 рублей с тем, чтобы на эту сумму, а также проценты с этой суммы каждые три года, один из ординаторов больницы мог быть послан в научную командировку за границу. Устав больницы позволял ей в будущем открыть фельдшерскую школу, что имело большое значение для всего Закавказья. По уставу предусматривалось, чтобы окончивший курс обучения молодой врач, прежде чем поступить на службу, должен был пробыть два года в этой больнице, «занимаясь по очереди во всех отделениях, в качестве младшего ординатора». Этим правилом могли воспользоваться и врачи, служившие в провинции и «желающие обновить свои знания». Таким образом, больница помимо своего прямого назначения - оказывать медицинскую помощь населению города, преследовала еще и другую цель, «служить рассадником опытных фельдшеров и врачей, успевших в течение двух лет проверить теоретические познания свои у постели больного и окрепнуть в самостоятельности труда и взгляда на будущую служебную деятельность».

Прошло более ста сорока лет со дня открытия этой больницы, многое изменилось, однако несмотря на это она, как и прежде, практически сохраняет свое старое название «Михайловской», продолжает оказывать медицинскую помощь жителям Тбилиси, как клиническая больница Тбилисского университета имени И. Джавахишвили.

Тамаз ГЕРСАМИЯ

РОССИЙСКИЕ ВИЗЫ - ГРАЖДДАНАМ ГРУЗИИ

По сообщению Секции интересов Российской Федерации Посольства Швейцарии, гражданам Грузии будут выдаваться следующие визы:

1. Обыкновенные учебные визы – на основании оригиналов приглашений, оформленных территориальными органами Федеральной миграционной службы России;

2. Визы временно проживающего лица – на основании оригиналов разрешений, выданных территориальными органами Федеральной миграционной службы России;

3. Обыкновенные частные визы:

а) ближайшим родственникам граждан России – при условии представления в соответствии с российским законодательством приглашения и документов, подтверждающих степень родства;

б) ближайшим родственникам постоянно проживающих на территории России граждан Грузии – при условии представления в соответствии с российским законодательством приглашения и документов, подтверждающих степень родства, а также вида на жительство;

4. Следующим в Россию в связи со смертью или тяжелой болезнью близких родственников или необходимостью экстренного лечения – при условии представления соответствующих документов.

Рабочие и туристические визы не выдаются.

Деловые и гуманитарные визы выдаются только после обращения в МИД России принимающей российской организации.

Справка: по российскому законодательству ближайшими родственниками являются: супруг, супруга, отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, дедушка, бабушка, внук, внучка.

Посол Швейцарии в Грузии Лоренцо Амберг и глава Секции интересов РФ посольства Андрей Смага

На открытии Секции интересов РФ Посольства Швейцарии

Иллюстрации Марка Шагала (1887 – 1985)

21 - 30 Апреля
Начало в 18.00 ч.

Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Тбилисский государственный академический русский
драматический театр им. А.С. Грибоедова

к 200-летию Н.В. Гоголя

представляет:

актера Театра русской классики (г.Вашингтон, США),
Народного артиста Грузии

БОРИСА КАЗИНЦА

в спектакле

«ПОХОЖДЕНИЯ ЧИЧИКОВА»

WWW.RUSSIANCLUB.GE
RUSCULTURE@MAIL.RU

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД «КАРТУ»

ბანკი ქართვ CARTU BANK

Ваш надёжный партнёр

Грузия, Тбилиси 0162, Пр. Чавчавадзе №39^а +(995 32) 92 55 92 www.cartubank.ge